

GEORGIAN FOUNDATION FOR STRATEGIC AND INTERNATIONAL STUDIES

**В ПОИСКАХ ПУТЕЙ
НОРМАЛИЗАЦИИ
РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

**FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG**

**В ПОИСКАХ ПУТЕЙ
НОРМАЛИЗАЦИИ
РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

Данная публикация стала возможной благодаря сотрудничеству с Фондом имени Фридриха Эберта. Мысли и мнения, выраженные в настоящей публикации, принадлежат ее авторам и необязательно отражают точку зрения фонда Фридриха Эберта.

Авторские права защищены и принадлежат Грузинскому фонду стратегических и международных исследований и Фонду имени Фридриха Эберта без письменного разрешения ни одна часть книги не может быть перепечатана в любой, в том числе электронной или механической форме. Мнения авторов выражают их собственную позицию и могут не совпадать со взглядами фонда.

© 2018 Грузинский фонд стратегических и международных исследований и Фонд имени Фридриха Эберта

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Каха Гоголашвили.....4

ВО ИЗБЕЖАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАСКОЛА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Каха Гоголашвили.....6

ЦЕНА ПРИОБРЕТЕНИЙ

Ивлиан Хаиндрава.....13

УХОДЯЩАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ СОЮЗНИКИ: СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Иван Сухов.....18

ВОЗМОЖНО ЛИ НАШЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ?

Ираклий Менагаришвили.....23

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: НЕОБХОДИМОСТЬ В КОМПЛЕКСНОЙ ПОЛИТИКЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ АННЕКСИИ

Паата Гаприндашвили.....26

РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Юлия Жучкова.....32

ВЗГЛЯД НА НАТО ИЗ МОСКВЫ И ТБИЛИСИ

Торнике Шарашенидзе.....36

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА РОССИИ ПРОТИВ ЗАПАДА НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ

Мамука Кудава.....40

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

После августовской войны 2008 года и последующего признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии отношения между Грузией и Россией значительно ухудшились. В отсутствие дипломатических отношений Женевские дискуссии (в основном касающиеся Абхазии и Южной Осетии) остаются единственным форматом, в который вовлечены международные участники и посредники. В действительности свыше сорока раундов переговоров не принесли ощутимого прогресса в деле сближения точек зрения сторон. Существующий с 2012 года двусторонний формат переговоров при наличии некоторого прогресса в экономических отношениях и по гуманитарным вопросам также не способствовал заметной нормализации отношений. В связи с отсутствием взаимодействия между официальными структурами диалог между экспертами и общественностью России и Грузии остается одним из важнейших инструментов для формирования /разработки идей и обмена ими, направленными на разрешение проблем, существующих между ними.

Представляемый сборник аналитических обзоров, посвященных российско-грузинским отношениям, являются результатом проекта - «Грузинские и российские эксперты в поиске путей нормализации отношений», который Грузинский фонд стратегических и международных исследований осуществляет совместно с Фондом Фридриха Эберта. Данный проект был направлен на:

- Повышение уровня доверия и взаимопонимания между российскими и грузинскими экспертами и общественными деятелями в сфере грузино-российских отношений;
- Обсуждение основных различий во взглядах и выявление препятствий на пути успеха в переговорах, которые проводятся в рамках официальных форматов, созданных для взаимодействия между государствами;
- Разработку аналитических обзоров и рекомендаций для правительств и вовлеченных в процесс международных организаций.

Проект достиг поставленных целей благодаря следующим мероприятиям:

- Проведение встреч между wybranными российскими и грузинскими экспертами, вовлеченными в диалог по укреплению доверия;
- Проведение круглых столов с участием выбранных российских и грузинских экспертов, должностных лиц, представителей Грузинского фонда стратегических и международных исследований и Фонда Фридриха Эберта, а также специального представителя правительства Грузии по отношениям с Россией;
- Выбор тем и подготовка аналитических обзоров с рекомендациями для правительств и других заинтересованных сторон.

Грузинский фонд стратегических и международных исследований организует российско-грузинские экспертные встречи с 2011 года; он всегда старался вести дискуссии, фокусирующиеся не на вопросах, разделяющих два государства, а на общих интересах, перспективах и возможностях для сотрудничества в различных областях. На этот раз мы решили рассмотреть и обменяться мнениями по вопросам, которые подпитывают существующие между государствами разногласия, препятствующие долгосрочному решению проблем.

27-ого июня в Тбилиси при участии десяти грузинских и российских экспертов состоялся диалог по укреплению доверия. Стороны представили основные политические и экономические изменения, произошедшие в их странах, и обсудили аспекты двусторонних межгосударственных отношений, в частности основные вопросы, препятствующие сближению точек зрения

в России и Грузии. Во время встречи эксперты отобрали темы для аналитических обзоров и взяли на себя обязательства по их подготовке.

Круглый стол под названием «Грузия и Россия: состояние отношений, проблемы, перспективы», в котором приняли участие около двадцати экспертов, представителей правительства и гражданского общества, был посвящен российско-грузинским отношениям в политической сфере и оказавшим на них влияние региональным / глобальным проблемам, конфликтам и вопросам, связанным с темой стабильности в регионе.

Важным результатом реализации проекта является подборка аналитических обзоров, подготовленных экспертами - участниками российско-грузинского диалога. Участники проекта выработали идеи и мнения, которые могут быть использованы соответствующими заинтересованными сторонами, в частности официальными структурами, работающими над поиском решения проблем.

В этом кратком предисловии мы не будем вдаваться в подробности отдельных обзоров или пытаться выразить наше мнение и оценку по поводу представленных авторами идей и анализа. Мы предоставляем это читателю, который найдет здесь пищу для интересных и полезных соображений касательно российско-грузинских отношений.

От имени проектной группы я хотел бы поблагодарить Грузинский фонд стратегических и международных исследований и Фонд Фридриха Эберта за поддержку и ценный вклад в эту работу. Особую благодарность я хотел бы выразить всем участникам диалога за их откровенность, открытость и конструктивный настрой во время обсуждений, а также за то, как глубоко и в то же время осторожно они подходили к спорным вопросам в своих аналитических обзорах.

Каха Гоголашвили
Руководитель проекта

ВО ИЗБЕЖАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАСКОЛА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Каха Гоголашвили

*директор центра Европейских исследований,
Грузинский фонд стратегических и международных исследований*

25 лет назад был расформирован Советский Союз, и на постсоветском пространстве возникло 15 независимых государств. Распад СССР привел не только к самоопределению его бывших республик, но и явно вызвал раскол ценностей, идеологий и приоритетов во внешней политике и ориентации среди вновь созданных игроков.

Желание Грузии покинуть Советский Союз и отдалиться от России, помимо всего прочего, проистекало из глубоко укоренившихся разногласий по отношению друг к другу и различного объяснения причин почти двухсотлетнего сосуществования. В нижеприведенной таблице перечислены общепринятые взгляды на «воссоединение» Грузии с Российской империей в начале XIX века, как это видят грузины и русские в наше время.

Таблица 1. Изложение фактов, связанных с эпохой Российской империи

С точки зрения россиян	С точки зрения грузин
Грузия никогда не была единым независимым государством.	Грузия, как государство, существовала более 2000 лет.
Россия приняла слияние Грузии с империей для того, чтобы спасти и защитить соседний христианский народ.	Грузия искала защиту у России и партнерство с ней, которая позднее ее просто аннексировала и уничтожила как государство.
Под властью России грузинская культура и общество развивались и процветали.	Грузия лишилась возможности пользоваться своим языком при обучении в школах и высших учебных заведениях, а также в общественных собраниях.
Представители грузинского дворянства занимали высшие должности в администрации и армии Российской империи; грузинское дворянство обладало теми же правами, что и русское дворянство.	Значительная часть грузинских дворян, в их числе царь Имеретии и князь Сванетии, которая сопротивлялась принудительному слиянию с Россией, была либо уничтожена, либо подвергалась преследованию до самой смерти.

После развала Российской империи «собрание земель русских» вновь продолжилось в советское время, что привело ко второй аннексии Грузии уже Советской Россией в 1921 году. Общественное мнение касательно существования Грузии в составе СССР также совершенно разнится среди большинства граждан России и Грузии.

Таблица 2. Изложение фактов в советской интерпретации

С точки зрения россиян	С точки зрения грузин
Большинство грузин выбрали присоединение к Советской России и создание Союза республик, свободных от дискриминации.	Грузия была захвачена русскими коммунистами и была насильно присоединена к большому соседнему государству.
Грузинский народ был недоволен «меньшевицким правлением» и восстал, чтобы взять власть в свои руки.	Россия поддержала небольшую группу ультралевых активистов и сепаратистов в Южной Осетии и организовала провокацию, чтобы оправдать (народным восстанием) хорошо спланированное вторжение.
Грузия в Советском Союзе была привилегированной республикой и из всесоюзного бюджета получала больше средств, чем в него вносила. Грузины занимали высокие посты в центральных силовых структурах и важных государственных учреждениях.	Грузия была лишена возможности торговать и использовать свои ресурсы по своему усмотрению и была вынуждена в рамках централизованной плановой системы Москвы проводить неэффективную административно-командную экономическую политику.
Грузинские интеллектуальные элиты (против воли грузинского народа) оказались под влиянием американских и других западных политиков и способствовали разрушению дружбы народов в Советском Союзе.	Грузины объединились в борьбе за свою независимость. Эта была мечта многих поколений.

Изложение фактов касательно современного поведения обоих государств по-прежнему существенно различается. Оно пытается оправдать игру с нулевым результатом и продемонстрировать глубокий раскол в понимании непрерывного соперничества, ведущего к конфронтации между Россией и Грузией.

Таблица 3. Изложение фактов в современной интерпретации

С точки зрения россиян	С точки зрения грузин
Грузинский народ хочет быть с российским народом вследствие их исторического и духовного единства, но вынужден «заигрывать» с Западом.	Грузинский народ стремится вернуться в европейскую семью, к которой изначально принадлежал.
Из гуманитарных соображений Россия остановила конфликты в Абхазии и Южной Осетии, которые спровоцировали грузинские националистические правительства.	Преследуя собственные геополитические интересы и желая держать Грузию и весь Южный Кавказ под контролем, Россия спровоцировала конфликты между грузинами, с одной стороны, и абхазами и осетинами - с другой.
Правительство (правительства) Грузии намерено(ы) привести на Южный Кавказ НАТО, который угрожает и наносит ущерб интересам безопасности России.	Грузия стремится вступить в альянс для обеспечения своей независимости и суверенитета, которым, в первую очередь, угрожает Россия. Грузия уверена в том, что в целом НАТО обеспечит мир и стабильность в регионе.
Грузия никогда не войдет в ЕС. НАТО, которое постепенно расширяется на восток, используется Западом для того, чтобы ослабить влияние России в «сфере ее законных интересов», и Россия никогда не позволит Грузии вступить в Евроатлантический альянс	Грузия станет членом НАТО и ЕС, потому что таково желание грузинского народа. Ни НАТО, ни ЕС не заставляют Грузию стать их членом / интегрироваться с ними.

Вышеупомянутые различия в общественном мнении в значительной степени определили сомнения и нежелание Грузии оставаться в тесном партнерстве с Россией. Грузия по-прежнему убеждена в правильности своего избранного курса на дистанцирование от своего большого северного соседа, но российское общественное мнение проявляет противоположную уверенность в том, что Грузия подпала под влияние Запада. Признавая сильные экономические и культурные связи между Россией и бывшими советскими республиками, в том числе и с Грузией, ни ЕС, ни США не планировали присоединить или оттолкнуть их от России. Планы, особенно те, которые проводил в жизнь ЕС, должны были превратить страны всего постсоветского пространства в стабильные демократические государства с рыночной экономикой, интегрированные в международное сообщество. В действительности Москву, не верящую в демократические ценности, напугала именно способность Грузии к преобразованию. Укрепление суверенитета каждой страны и дальнейшая интеграция отдельных бывших советских республик, в том числе и Грузии, в международное сообщество, по мнению России, напрямую противоречило ее интересам.

В начале 1990-х годов Россия, как законный наследник Советского Союза, старалась удержать поближе к себе по меньшей мере 11 бывших советских республик, отводя им роль сателлитов. В реальности, отсутствие идеологии, могущей послужить основой для установления тесных отношений, не позволило России и другим республикам наладить более близкое сотрудничество на чисто добровольных, основанных на общности интересов началах. Три балтийских государства отделились от России сразу после провозглашения независимости, поскольку их национальные проекты подталкивали к противоположному, полностью западному направлению. Членство в европейских и евроатлантических структурах стало основным приоритетом внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии. Эта траектория нашла ответную реакцию со стороны ЕС и НАТО, хотя и не сразу. В качестве кандидатов на членство в ЕС страны Балтии были признаны лишь в середине 1990-х годов, подписав свои соглашения об ассоциации с европейской перспективой. На самом деле эти соглашения были ратифицированы и полностью вступили в силу в 1998-1999 годах. На очередной встрече Европейского совета, которая состоялась в Люксембурге в 1997 году, было решено со следующего года начать переговоры со всеми странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), принять стратегию их вступления в ЕС и начать подготовку к членству. С тех пор процесс присоединения этих стран к Европейскому союзу стал практически необратимым, и Россия отказалась от попыток повлиять на их внешнеполитическую ориентацию. Что касается членства в НАТО, то после долгих сомнений и колебаний, основанных на опасениях Западной Европы вызвать раздражение со стороны России, решение предложить трем прибалтийским государствам вступить в НАТО было принято на Пражском саммите в 2002 году.

После падения Берлинской стены страны Центральной и Восточной Европы твердо нацелились на вступление в ЕС и НАТО. У России в то время не было ни политических возможностей, ни рычагов для оказания жесткого давления, чтобы влиять на них, и, как следствие, у Москвы не было мотивации попытаться удержать их под контролем. Несомненно, после распада Советского Союза у России все еще было достаточно причин и возможностей поддерживать тесное сотрудничество и каналы связи с остальными 11 бывшими советскими республиками (за исключением стран Балтии), включая:

- Сильные экономические связи, неспособность новых независимых государств торговать на международных свободных рынках или создавать свои собственные денежные системы.
- Относительно дешевый доступ к природным ресурсам России.
- Культурные и гуманитарные контакты.
- Отсутствие языкового барьера (практически все граждане бывшего Советского Союза свободно владели русским языком).
- Географическая близость и налаженная инфраструктура.
- Общая история (хотя не всегда на нее смотрели под одним углом).
- Общность экономических, политических и социальных проблем.

Среди факторов, негативно влияющих как на желание, так и на перспективы сотрудничества на постсоветском пространстве, хотелось бы подчеркнуть следующие:

- Инертность некоторых республик, вызванная серьезными усилиями, приложенными в свое время для выхода из Советского Союза, в котором доминировала Россия.
- Инертность в России, исключая с ее стороны серьезное восприятие полной независимости бывших советских республик.
- Региональные и / или внутренние конфликты, возникшие в новых независимых государствах (в Молдове, Грузии, Азербайджане, Таджикистане), в которых Россия играла важную роль. Эта роль, с точки зрения бывших советских республик, была деструктивной и направленной против их национальных интересов.
- Неспособность России предложить вышеупомянутым государствам реальную поддержку в государственном строительстве, и ее намерение продолжать играть роль лидера и организаторской силы.

Положительные и отрицательные мотивы, которые в конечном итоге могли бы свести на нет силу притяжения России, сделали невозможным интеграцию соседних государств на основе их собственных желаний и интересов. В начале 1990-х годов российское правительство попыталось создать новый формат для региональной интеграции. Содружество Независимых Государств (СНГ), созданное сразу же после распада СССР в 1992 году¹, было попыткой воспроизвести европейскую интеграцию в бывших советских республиках.

В действительности, международный проект России в ее понимании радикально отличался от проекта Европейского Союза. В нижеприведенной таблице продемонстрированы некоторые различия.

Таблица 4. Различия в подходе к интеграции в СНГ и ЕС

Россия (СНГ)	ЕС
Россия должна стать неформальным, но сильным центром СНГ.	Интеграция ЕС не предписывает какому-либо государству-участнику роль неформального лидера.
У стран не обязательно должны быть общие ценности.	ЕС был создан как основанный на ценностях союз демократических государств. Уважение политических прав и свобод обязательное условие для её членства.
Некоторые страны присоединились к СНГ в результате сильного давления со стороны России; например, Грузия вошла в СНГ в 1994 году после своего поражения в Абхазии.	Ни одна страна не была принуждена или даже призвана присоединиться к ЕС вопреки своему желанию. Присоединение стало результатом целенаправленных попыток страны-заявителя вступить в Союз.
Стратегическая цель России заключается в восстановлении контроля над бывшими советскими республиками в Восточной Европе; при этом у нее отсутствует понимание планов этих республик по преобразованию и государственному строительству.	Основной целью ЕС в Восточной Европе было распространение своих ценностей, оказание поддержки в построении демократических и независимых государств, повышение благосостояния и установление верховенства права и надлежющего государственного управления.

¹ Беловежские соглашения, подписанные в декабре 1991 года Российской Федерацией, Украиной и Беларусью, создали Содружество Независимых Государств с этими тремя странами-учредителями, к которым позднее присоединились другие страны-участницы.

Постепенно к СНГ присоединились все государства бывшего Советского Союза (за исключением прибалтийских республик). Официально процесс создания СНГ завершился в апреле 1994 года, когда Грузия, потерпевшая поражение в абхазской войне (при эффективном участии российских военных), последней присоединилась к этой организации и ратифицировала её Устав.

Как уже упоминалось выше, изначально ЕС придерживался лишь стабилизирующей и конструктивной роли в отношении некоторых бывших советских стран и не собирался расширяться. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, подписанные с большинством бывших советских республик (включая Россию) в середине 1990-х годов, наряду с установлением прочной правовой основы для сотрудничества, также способствовали преобразованиям на законодательном уровне и даже частичной европеизации бывших советских республик. В намерения ЕС не входило вмешательство и разрушение планов России по воссозданию более тесных форм сотрудничества с вновь возникшими государствами. Целью ЕС было нейтрализовать риски, связанные с проведением новых разделительных линий, ведущих к конфронтации в Европе.

В целом до начала XXI века проекты России и ЕС были совместимы, но затем в российской внешней и внутренней политике произошли резкие изменения. Разумеется, отказ России в 2003 году присоединиться к Европейской политике соседства ЕС (ЕПС) стал первым четким сигналом растущего разногласия между двумя влиятельными державами в отношении будущего Восточной Европы. ЕПС внедрила дифференцированный подход к странам бывшего Советского Союза. Так называемым западным новым независимым государствам (ННГ) и странам Южного Кавказа предложили присоединиться к ЕПС соответственно в 2003 и 2004 годах, тогда как на Транскаспийские республики/республики Центральной Азии данная политика не распространялась (хотя и их не оставили полностью без внимания). Отказ России присоединиться к ЕПС первоначально воспринимался как стремление к тому, чтобы к ней относились в индивидуальном порядке, хотя позже стало очевидно, что российское правительство не приветствует идею интенсивного участия ЕС в Восточной Европе в целом.

В соответствии с ЕПС, ЕС предлагал новым независимым государствам руководство и наставничество в проведении реформ и в определении критериев развития и модернизации. В то же время ЕС предложил финансовые средства для поддержки реформ, направленных на европеизацию стран бывшего Советского Союза.

Первые реальные признаки раздражения по отношению к играющему столь решающую роль вмешательству ЕС на постсоветском пространстве проявились в середине 2000-х годов, когда высшие представители страны стали часто использовать такие выражения, как «сфера легитимных интересов России».

Августовская война 2008 года в Грузии и последующий запуск инициативы «Восточное партнерство» стали поворотным моментом в разногласиях ЕС и России относительно будущего Восточной Европы. В частности, ЕС стал явным соперником России (с российской точки зрения) в получении контроля над западными ННГ и странами Южного Кавказа. ЕС по-прежнему не считал свою политику неприемлемой для России и все еще надеялся найти точки соприкосновения и оптимальные компромиссы с Россией. Российская администрация подобных иллюзий не питала и постепенно возводила свои «оборонительные укрепления» против «западной угрозы». Вместо того чтобы провести политическую модернизацию, российские правители решительно настроились на формирование государственности в имперском стиле, адаптированной к современным условиям. Эта концепция предполагает воздействие на ближайших соседей, организовывая их по своему усмотрению и подчиняя своей воле. На фоне многочисленных попыток изобрести новое обоснование для такой политики российским правителям, безусловно, не удалось разработать «концепцию

собиранья земель» бывшего советского пространства. Такие понятия, как «русский мир» и единство православных христиан, не нашли поддержки среди соседних народов и тех групп внутри самой России, которые придерживаются этических норм. Наконец, Евразийство, как основополагающая идея нового типа отношений с республиками бывшего Советского Союза, стала более интенсивно использоваться в политических и стратегических целях. Против Грузии Россия использовала жесткую силу в 2008 году; применение силы или угроза применения силы с 2013 года используются также в отношении Украины. Аналогичные методы применяются для поддержки сепаратистских движений и разделения суверенных государств на конкурирующие регионы, тем самым истощая их запас прочности и увеличивая уязвимость. Создание в 2015 году Евразийского экономического союза, более сложного и изощренного продолжения Таможенного союза (2000 г.) и Евразийского экономического сообщества (2012 г.), означало попытку России крепко привязать к российскому рынку бывшие советские республики и таким образом помешать им заключать соглашения о свободной торговле с другими странами и в первую очередь, с ЕС. Наиболее ярким примером решимости России остановить расширение экономической мощи ЕС в Восточной Европе была неудачная попытка заставить Украину не подписывать Соглашение об ассоциации с ЕС и втягивание Армении в Евразийский экономический союз после того, как Россия в 2014 году заставила ее выйти из заключительной стадии переговоров по подписанию аналогичного Соглашения об ассоциации с Европейским союзом.

С этого времени геополитический раскол на постсоветском пространстве стал сформировавшейся реальностью с четко очерченными особенностями, включая конфронтацию в информационной сфере. Любая политика и, особенно внешняя, как правило, основаны на аргументах, оправдывающих действие не только с точки зрения интересов, но и с позиции морали, поскольку всегда существует компонент оценки как со стороны общественности, так и со стороны международных игроков. Хорошо понимая это, Россия ведет с Западом информационную войну, пытаясь противостоять продвижению трансформирующей мягкой силы ЕС, используя усиленную пропаганду с целью уменьшить привлекательность соперника в глазах соседних стран. Помимо ЕС геополитический раскол, наметившийся с тремя ассоциированными государствами Молдовой, Украиной и Грузией, с одной стороны, с Арменией и Беларусью, с другой стороны, и с неопределенной позицией Азербайджана, создает противоречивую ситуацию и отчуждение в Восточной Европе.

Будущие перспективы Восточного партнерства и планы по региональной интеграции с сильными элементами сближения с политикой ЕС во всей Восточной Европе, похоже, ослабли и оказались под угрозой. Раскол Восточного партнерства и появление новой политики ЕС, проводящей различия в региональном контексте между тремя странами, недавно подписавшими соглашения об ассоциации, и теми государствами, которые не стремятся к дальнейшей европеизации, практически стали непреодолимыми. В то же время на законодательном уровне ЕС продолжает свою преобразовательную деятельность во всех странах Восточного партнерства: он использует новые формы соглашений (с Арменией и Азербайджаном), возобновляет консультации с Беларусью и продолжает прибегать к методам, направленным на расширенную европеизацию. В то же время ЕС противится требованиям столиц недавно ассоциированных государств подтвердить геополитический раскол в Восточной Европе путем создания отдельного формата внутри Восточного партнерства. Подход, принятый ЕС, действительно не вдохновляет население трех стран, подписавших соглашение об ассоциации. Не предоставляя им европейскую перспективу и не поддерживая планы создания Европейской экономической зоны «Плюс» с тремя из них, ЕС рискует вызвать разочарование среди лояльных партнеров и делает их уязвимыми для усиленных попыток России вернуть контроль над целым регионом. Дифференциация форматов, наряду с налаженной информационной политикой, могла бы консолидировать общественную поддержку в этих трех странах и повысить мотивацию

других стран. Армении, Азербайджану и Беларуси также необходимо увидеть яркие примеры, доказывающие, что усилия и самоотверженность на пути к европейской интеграции могут принести ощутимые результаты.

Вместо заключения: альтернатива для правительств стран Восточной Европы

Соперничество между ЕС и Россией в Восточной Европе не похоже на соперничество между двумя различными системами управления, как это было между СССР и Западом во времена «холодной войны». На самом деле, это конкуренция между прошлым и будущим. У России нет шансов одержать верх в случае, если ее соперник будет оставаться стойким и выдержит многочисленные кризисы, происходящие в сегодняшней Европе. Позиции России слабы и непривлекательны, так как ей нечего предложить своим восточноевропейским соседям, желание которых присоединиться к более прогрессивному и благополучному союзу совершенно естественно. Россия, как альтернатива, могла бы вернуться к политике равноправного партнерства и сотрудничества при взаимном уважении и поддержке суверенитета своих бывших колоний, но это стало практически невозможным после признания независимости Абхазии и Южной Осетии, а также аннексии Крыма. Россия находится в ловушке своих собственных решений, которые выглядят необратимыми. Это может вдохновить российское правительство продолжать путь конфронтации с Западом и, в частности, с ЕС. В этой конфронтации наиболее уязвимыми являются страны «разлома»: Грузия, Молдова и Украина, с одной стороны, и Армения и Беларусь, с другой. В то время как Россия попытается вырвать из рук ЕС страны, подписавшиеся под ассоциацией, она может потребовать от Армении и Беларуси (которые в предстоящие годы, скорее всего, будут находиться под влиянием России), сыграть свою роль в этом противостоянии. Это создало бы напряженность и уменьшило бы любые возможности для сотрудничества между двумя сторонами линии «разлома», тем самым углубив геополитический разрыв и ухудшив условия безопасности в регионе.

Важнейшая политическая задача правительств всех недавно возникших стран на линии «разлома» - избежание дальнейшего раскола и нахождение путей компромисса для продолжения мирного сосуществования и уважения политического (в том числе внешнего) выбора друг друга.

ЦЕНА ПРИОБРЕТЕНИЙ

Ивлиан Хаиндрава

директор программы южнокавказских исследований Республиканского института

Конфликты в Грузии – грузино-абхазский и грузино-осетинский – прошли разные стадии, превратившись в итоге в одну из основных причин российско-грузинской конфронтации¹. Возникшее в результате августовской войны 2008 г. статус-кво характеризуется следующими базовыми подходами сторон:

- Грузия квалифицирует произошедшее как оккупацию Абхазии и Южной Осетии Российской Федерацией и считает деоккупацию и отзыв Россией признания независимости Абхазии и ЮО неизбежной предпосылкой урегулирования конфликтов как с Россией, так и с абхазами и осетинами.
- Россия апеллирует к «новым военно-политическим реалиям», не рассматривает возможности отзыва признания независимости Абхазии и ЮО и настаивает на том, чтобы Тбилиси заключил с Сухуми и Цхинвали договоры о неприменении силы, отказываясь принять на себя соответствующие обязательства в отношении Грузии.
- Сухуми считает состоявшимся обретение независимости и безопасности от Грузии, в целом действует в рамках российской парадигмы, но испытывает растущее беспокойство по поводу ущербности своей государственности и догадывается, что конфликт с грузинами не исчерпан.
- Цхинвали считает состоявшимся отмежевание от остальной Грузии, но, не относясь всерьез к собственной «независимости», рассматривает настоящий этап в качестве переходного на пути к объединению с Северной Осетией.

Для полноты картины следует упомянуть, что подход Запада (равно как и подавляющего большинства стран-членов ООН) заключается в непризнании Абхазии и Южной Осетии, поддержке территориальной целостности Грузии и права вынужденно перемещенных лиц на возвращение. Западная «политика непризнания» получила дополнительную подпитку вслед за аннексией Крыма Россией, инспирации и поддержки ею сепаратистского мятежа на юго-востоке Украины.

Подходы – подходами, однако есть обстоятельства, которые существуют помимо позиций и/или устремлений сторон, способствуя или препятствуя им в достижении поставленных целей. В данном материале предпринята попытка осмысления реальных приобретений сторон конфликтов по прошествии 9 лет после российско-грузинской войны. Речь пойдет в контексте именно *приобретений*, потому что приобретения могут быть как со знаком плюс, так и со знаком минус, а иной раз – с разным «долевым участием» двух противоположных знаков. Можно, например, приобрести иммунитет, а можно приобрести иммунодефицит; можно приобрести стиральную машину, но если она с изъяном, то вместе с ней в дом войдут и дополнительные проблемы.

Представленная ниже схема не претендует на учет *всех* параметров и характеристик рассматриваемого явления, предлагая лишь несколько упрощенное видение, полезное, впрочем, для осмысления особенностей возникшей ситуации (послевоенного статус-кво). Приобретения конкретной стороны со знаком плюс расположены в левой части таблиц, со знаком минус – в правой; отдельные пункты той или иной таблицы инструментальны для понимания пунктов другой таблицы, дополняя друг друга и создавая хоть и мозаичную, но цельную картину.

¹ Подробнее см.: И. Хаиндрава: «Трансформация; о роли грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов в грузино-российских взаимоотношениях». www.gfsis.org/files/library/pdf/2464.pdf

Итак: кто и что приобрел в результате конфликтов в Грузии? Начнем с России, которая выглядит явным бенефициаром (выгодоприобретателем), однако у ее приобретений есть своя цена. Сказано: «Россия приобрела Крым, но потеряла всю Украину»; несмотря на все отличия между украинским (Крым, Донбасс) и грузинским (Абхазия, ЮО) случаями, применима подобная оценка и к итогам конфликтов в Грузии – отобрав у нее Абхазию и Южную Осетию, Россия потеряла остальную Грузию.

Таблица 1. Приобретения Российской Федерации

+	–
<ul style="list-style-type: none"> • Усиление и диверсификация военного присутствия в Грузии и на Южном Кавказе • Расширение зоны российского контроля вдоль восточного берега Черного моря • Укрепление позиций на Северном Кавказе • «Перетекание» РФ по южную сторону Кавказского хребта (фактическая территориальная экспансия) • Нанесение урона престижу НАТО и Запада в целом 	<ul style="list-style-type: none"> • Расширение Северокавказского региона РФ (зона фактической и потенциальной нестабильности) • Появление новых дотационных субъектов • Противоречия с местными элитами (национальными проектами абхазов и осетин) • Конфронтация с Грузией • Углубление противостояния с Западом • Укрепление ревизионизма и милитаризма в ущерб модернизации и развития

Исходя из заведомо ограниченного объема материала, комментировать каждый пункт нет возможности (да и необходимости – тоже). Но в первой же таблице можно усмотреть противоречие между попавшим под знак «плюс» укреплением позиций федерального центра на Северном Кавказе² – с одной стороны, и расширением Северокавказского региона РФ под противоположным знаком – с другой. «Противоречие» это, однако, кажущееся, поскольку силовая операция России против Грузии действительно на время поумерила пыл многих на Северном Кавказе, но *не решила* (и не могла решить) глубинных проблем, в силу которых данный регион остается наиболее взрывоопасным во всей федерации.

При переходе к следующему «приобретателю» оговорку следует сделать сразу: речь пойдет именно об абхазах, а не об Абхазии, поскольку тождества здесь нет. В Абхазии – три приблизительно равновеликие по численности этнические группы населения (абхазы, грузины и армяне), и неуклонно набирающая физический и политический вес четвертая (русские), взгляды которых на настоящее и будущее расходятся³. Расхождения эти становятся все ощутимее именно после августа 2008 года, когда тема «грузинской угрозы» потеряла актуальность, и внутренние неурядицы стало все труднее списывать на «внешнего врага» (Грузию). Теперь грузинам Абхазии (в основной своей массе проживающим в Гальском районе) отведена роль главного «внутреннего врага» («пятой колонны»), хотя и эта роль – отнюдь не третьестепенная.

² См. например: С. Маркедонов: «Пятидневная война: девятая годовщина». www.politcom.ru/22654.html

³ См. например: А. Кривенюк: «Армяно-абхазские отношения: накапливается конфликтный потенциал». www.eadaily.com/ru/news/2017/07/24/armyano-abhazskie-otnosheniya-nakaplivaetsya-konfliktnyy-potencial

Таблица 2. Приобретения абхазов

+	–
<ul style="list-style-type: none"> • Независимость от Грузии • Куцое признание • Легальные деньги из российского бюджета • Возможность безнаказанного угнетения грузинской части населения 	<ul style="list-style-type: none"> • Этнократический характер власти • Клановость в общественном устройстве; nepoтизм, коррупция, преступность • Нехватка ресурсов государственного строительства • Отсутствие перспектив реальной самостоятельности • Антагонизм с Грузией и Западом

В некоторых пунктах абхазского (равно как и осетинского – см. ниже) негатива новизны можно и не усмотреть, поскольку так было и раньше, т.е. было приблизительно так же, как в целом в Грузии в советский период и непосредственно после него. Но это *так* явственно высветилось именно на фоне разных траекторий движения Грузии и отколовшихся от нее территорий. Первая хоть и мучительно, но преобразовывалась, пройдя путь от постсоветского до предъевропейского общественно-государственного состояния. Абхазия (ЮО – тем более) этого пути не прошла, что, наряду с другими факторами, позволяет говорить о провале национального проекта абхазов: государство не состоялось, и перспективы в этом плане не просматриваются – внутренних ресурсов не хватает, внешних – тоже; никому, кроме самих абхазов, независимость Абхазии, в истинном значении этого слова, не нужна. Поначалу несколько стран-членов ООН вслед за Россией признали независимость Абхазии и ЮО, но процесс быстро угас. Кроме всего прочего, это указывает и на то, что вопреки записям в разных официальных документах, сама Россия отнюдь не стремится тратить свои внешнеполитические (и финансовые) ресурсы на расширение числа подобных стран. Оно и понятно – зачем России, к слову, турецкое посольство в Сухуми?

Как ни странно, на первый взгляд, югоосетинский проект не провален, поскольку в отличие от абхазского его цель – отнюдь не химерическая независимость, а объединение с Северной Осетией (но не *воссоединение* – термин, неправомерно употребляемый в этом случае). Пока что Россия притормозила этот проект, посчитав, что на данном этапе *так* ей выгоднее; как будет дальше – увидим.

Таблица 3. Приобретения осетин

+	–
<ul style="list-style-type: none"> • Независимость от Грузии • Легальные деньги из российского бюджета • Возможность безнаказанного угнетения грузинской части населения • Стимулирование идеи «Единой Осетии–Алании» 	<ul style="list-style-type: none"> • Нехватка ресурсов для самоуправления • Клановость в общественном устройстве, nepoтизм, коррупция • Депопуляция Южной Осетии • Антагонизм с Грузией

Но цена у югоосетинского проекта тоже весьма высокая – со временем может случиться так, что объединяться с северными осетинами будет некому; привлекательным местом для проживания югоосетинский тупик не является даже для местных осетин. Да и иметь в лице Грузии *постоянного* противника вряд ли дальновидно для осетин в целом...

Теперь о Грузии. Если Россия выглядит главным бенефициаром развития событий вокруг Абхазии и Южной Осетии, то Грузия – главным потерпевшим. В негативе – перечень тяжелых, трудноразрешимых проблем; практически все они самоочевидны, а потому стоит коротко разъяснить лишь последний пункт: он дает понять, почему Россия так растягивает себе удовольствие «бордеризации», каковую, при желании, могла бы завершить в тот же год, в который ее начала. К тому же, напоминание в чуть ли не ежедневном режиме о том, что касательно вопроса государственной границы Грузии у Москвы собственная точка зрения, укрепляет позиции тех (где бы они не находились), кто скептически относится к перспективе членства Грузии в НАТО.

Таблица 4. Приобретения Грузии

+	–
<ul style="list-style-type: none"> • Возможность модернизации без проблемных автономий • Трансформация постсоветского (этнического) национализма в европейский (гражданский) национализм • Консолидированная морально-политическая поддержка Запада • Формирование концепта «европейского государства» в качестве национального проекта 	<ul style="list-style-type: none"> • Де-факто отторжение Абхазии и Южной Осетии • Отчуждение с абхазами и осетинами • Порядка 300 тысяч перемещенных лиц • Сокращение вдвое береговой линии Черного моря • Возросшая военно-стратегическая уязвимость • Продление противостояния с Россией • Туманные перспективы дальнейшей евроатлантической интеграции • Всплески внутривнутриполитической напряженности в связи с «бордеризацией», дискриминацией грузинского населения на неподконтрольных территориях, отсутствием конкретных механизмов восстановления целостности государства

В то же самое время, обнаруживаются и плюсы, каковое положение адекватно отображает русская пословица «нет худа без добра»; именно эти пункты заслуживают пояснений.

«Выпадение» проблемных автономий из процесса модернизации облегчает задачу, поскольку болезненные (в исполнении Саакашвили – даже грубые) преобразования не воспринимаются сквозь этническую призму. Самые успешные реформы – административная (включая преобразование ГАИ в патрульную полицию) и искоренение коррупции на низовом и среднем уровне – встретили бы абхазско-осетинское сопротивление под предлогом «притеснения» местных кадров со стороны «грузинского центра» даже при обязательном условии, что, скажем, на место 125 уволенных гаишников-абхазов были бы набраны 125 абхазских же новобранцев-патрульных. К тому же «Революция роз» (суть которой метко выражена словосочетанием «авторитарная модернизация») – это совпадение накопившейся в обществе потребности перемен с соответствующей политической волей и решимостью (иной раз – избыточной) тех, кто взял власть в свои руки; в Абхазии потребность есть на словах, но с политической волей и реальными делами – непросто, а в Южной Осетии – и того сложнее. Да и внутренние факторы (см. негатив в соответствующих таблицах), равно как и российское политико-идейно-информационное доминирование (милитаризм в ущерб модернизации), не способствуют коренным преобразованиям.

Второй пункт этой же части грузинских приобретений (видоизменение национализма) следует рассматривать как этап процесса, а не его итог, и говорить о необратимости трансформации образа мышления населения в целом, скорее всего, преждевременно. Однако прогресс есть, и он тем более бросается в глаза на фоне целенаправленного изымательства над этническими грузинами в Абхазии⁴ и ЮО (отмечено в левых столбцах соответствующих таблиц). Такое отношение к меньшинству заимствовано из советской национальной политики 30-40-ых годов прошлого века, когда сами абхазы стали жертвой подобной практики. По любым нормам факт открытой дискриминации соотечественников должен бы попасть в негатив, но возможность сорвать зло на грузинах явно или подсознательно воспринимается абхазами и южными осетинами (не всеми, естественно!), как главный «утешительный приз» за малоутешительные итоги конфликта с грузинами.

В отношении третьего пункта можно дискутировать по поводу того, насколько долговечна *консолидированная* поддержка Запада, но к моменту написания данного материала нет оснований ставить этот постулат под сомнение. Другое дело, что нет четкого ответа на вопрос по поводу того, в какие именно интеграционные проекты может реализоваться эта поддержка в ближайшем будущем, поскольку Соглашение об ассоциации с ЕС (включающее свободную торговлю) и безвизовый режим со странами Шенгена уже есть, статус первостепенного партнера НАТО – тоже, но членство в этих организациях отчетливо не просматривается (отмечено в негативе).

Четвертый пункт является квинтэссенцией всего грузинского позитива. При том, что удовлетворенность состоянием дел в стране и одобрение деятельности правительства со стороны граждан никак не выше среднего, поддержка курса на евроатлантическую интеграцию неизменно высока⁵. Желательная для очевидного большинства населения страны модель государства – западная (ЕС), а не постсоветская (СНГ, Евразийский союз). И это – еще одна из двух основных причин, по которым Грузия потеряна для России. В знак этого, кстати, вице-президент США посещает Тбилиси, а президент РФ – Пицунду⁶.

В завершение – опять же для полноты картины – следует упомянуть о Западе (без таблицы). Можно констатировать, что никакого позитива для Запада из всех конфликтных перипетий Грузии не проистекает; если он что и приобрел, так это – дополнительную головную боль, лекарства от которой в его домашней аптечке не оказалось. Хуже того, опыт 2008 года не был в должной мере осмыслен и учтен; Запад, по существу, не предъявил счета России за вторжение в Грузию: новоизбранный президент США Б. Обама сразу же запустил политику «перезагрузки»⁷, а Евросоюз вслед за публикацией (30 сентября 2009 г.) «доклада Тальявини», вопреки логике и содержанию доклада заговорил о “business as usual”⁸. Неудивительно поэтому, что, не заплатив политической (или иной) цены за приобретения в Грузии, при первом же удобном случае Россия двинулась за приобретениями в Украине.

Грузия же, хоть и высокой ценой, приобщилась к Западу, и будет совсем уж странно, если он еще раз ее потеряет.

⁴ Очень сдержанно, ‘статус-нейтрально’ об этом говорится в докладе Т. Хаммарберга и М. Гроно: «Права человека в Абхазии в настоящее время». www.palmecenter.se/en/article/palmecenter-publishes-first-independent-report-human-rights-abkhazia/

⁵ См., например: www.iri.org/sites/default/files/iri_poll_presentation_georgia_2017.03-general.pdf и www.ndi.org/sites/default/files/NDI%20poll_April%202017_Foreign%20Affairs_ENG_vf.pdf

⁶ Летом 2017 г. М. Пенс и В. Путин почти синхронно посетили Тбилиси и Пицунду соответственно.

⁷ 6 марта 2009 г. на встрече в Женеве Х. Клинтон и С. Лавров вместе нажали на символическую кнопку перезагрузки.

⁸ «Отношениям ЕС и России ‘перезагрузка’ не нужна» – интервью главы представительства Европейской комиссии в Москве Ф. Валенсуэла. www.kommersant.ru/doc/1271454 18.11.2009

УХОДЯЩАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ СОЮЗНИКИ: СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Иван Сухов

редактор ИД «Коммерсантъ», кандидат исторических наук

Северный Кавказ всегда играл важнейшую роль в российско-грузинских отношениях. Когда Грузия стала частью Российской Империи, Северный Кавказ превратился в огромное препятствие для развития связей между новыми закавказскими территориями и метрополией, сточки зрения как политики, так и чистой логистики. Для того чтобы решить проблему Северного Кавказа, Империи потребовалось около 60 лет и колоссальное количество ресурсов, причем часть этих ресурсов были грузинскими. После того, как Грузия и Россия снова перестали быть частями одного политического целого, Северный Кавказ снова превратился в источник проблем для двусторонних отношений. С наибольшей очевидностью это демонстрирует специфический случай чеченцев-аккинцев в регионе Панкисского ущелья, в которых российское правительство в ходе обеих войн в Чечне не без оснований видело тыловую базу сепаратистов, а грузинское – как минимум источник постоянной внешнеполитической напряженности. Северный Кавказ и, в частности, Чечня в начале 1990-х годов стали одной из наиболее проблематичных для российского правительства зон так называемого «парада суверенитетов» -- сепаратистских и националистических движений в российских регионах с «титულным» этническим компонентом. До некоторой степени оправдано считать, что в наиболее поздних фазах политического кризиса Советского Союза союзное правительство было даже заинтересовано в поддержке этнических движений в ускользающих из-под контроля союзных республиках, чтобы ослабить республиканских политических лидеров. Глядя с такой точки зрения, в «параде суверенитетов» на Северном Кавказе и генезисе конфликтов в Абхазии и Южной Осетии можно обнаружить некоторые общие черты. К сожалению, после коллапса союзного правительства российское руководство слишком увлеченно приняло на себя роль правопреемника, в итоге де-факто поощрив сепаратистские движения на территории Грузии и утратив, таким образом, в лице Грузии союзника в сложной борьбе за сохранение своего присутствия и влияния на Северном Кавказе. Относительно надежное умиротворение Северного Кавказа в Российской Империи и в Советском Союзе достигалось, в том числе, при условии лояльности Грузии. Это условие постсоветской политической реальностью исключено. Тем не менее российско-грузинская граница на Кавказе остается наиболее протяженной, и независимо от политических амбиций и намерений правительств по обе стороны от нее ситуация «на земле» в районе границы оказывает и будет оказывать существенное влияние на обе страны. Цель данного краткого обзора – анализ ситуации на российском Северном Кавказе в ее динамике и эффект, который при развитии этой ситуации может иметь место в двусторонних отношениях.

Расширение Северного Кавказа

Пока едва ли целесообразно считать, что у российско-грузинского взаимодействия есть широкое поле для расширения, в том числе и в части соседства и приграничного сотрудничества на Кавказе. Спустя девять лет после российско-грузинской пятидневной войны и признания Россией Абхазии и Южной Осетии, рассуждая в терминах не международного права, но политического анализа, можно исходить из того, что география Северного Кавказа несколько расширилась. Администрации в Сухуми и Цхинвали немногим отличаются от администраций в Майкопе, Черкесске, Нальчике, Владикавказе, Магасе, Грозном и Махачкале – разве что очевидно, что в отличие, например, от Грозного они не числятся в списке адресатов приоритетной финансовой поддержки федерального бюджета. Тем не менее российские

бюджетные средства составляют основной источник формирования бюджета Абхазии и Южной Осетии, а Кремль остается местом, где принимается окончательное решение о том, кто будет там осуществлять политическое руководство. Качественных исследований общественного мнения в Абхазии и Южной Осетии, к сожалению, не ведется, но меняющийся контент социальных сетей позволяет отметить некоторый рост разочарования живущих там людей и снижение уровня пророссийских симпатий.

Это связано с тем, что надежды на процветание под патронажем России не оправдываются. Федеральное правительство практически не скрывает, что у него есть более существенные приоритеты на Юге, например, Крым, который в отличие от Абхазии и Южной Осетии, Россия официально объявила своим, или Чечня, требующая постоянной массивированной финансовой поддержки в условиях все более стесненных бюджетных возможностей. Оказавшись, по сути, в числе регионов российского Северного Кавказа, Абхазия и Южная Осетия попали сразу в наиболее депрессивный сегмент этого списка, а их полупризнанный статус лишает их надежды на существенное улучшение ситуации. Едва ли можно предполагать, что в краткой или среднесрочной перспективе это разочарование толкнет их на путь поиска контактов с Тбилиси: это почти исключено самим анамнезом обеих конфликтных ситуаций. Скорее можно предположить рост числа жителей Абхазии и Южной Осетии, считающих наиболее приемлемым вариантом включение этих территорий в состав России, в надежде на формализацию и сопутствующий рост денежных вложений. Проблема в том, что именно это соображение делает такое развитие событий нежелательным для российского правительства, которое в нынешних обстоятельствах ищет скорее способы экономить средства, а не увеличивать расходы.

Сепаратизм: разные версии

Можно констатировать, что признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии не спровоцировало, как это предполагалось рядом исследователей и аналитиков после 2008 года, нового витка активизации этнонационалистических и этносепаратистских движений в регионах Северного Кавказа. Это допущение основывалось на сопоставлении итогов сепаратистских движений: в Абхазии и Южной Осетии они привели к признанию Россией, в России сепаратисты оказались вне закона, и, как ожидалось, успех поддержанных Россией движений в Абхазии и Южной Осетии может вдохновить сепаратистов на Северном Кавказе на новые политические усилия.

Однако единственным сколько-нибудь заметным признаком усиления этнических движений на Северном Кавказе за период, прошедший после российского признания Абхазии и Южной Осетии, был всплеск активности адыгских этнических активистов в период подготовки к Зимним Олимпийским играм в Сочи. Это усиление было связано с признанием Абхазии и Южной Осетии более чем опосредовано: в 2011 году грузинский парламент, безусловно рассматривавший Россию как страну-агрессора, проголосовал за признание геноцида адыгейцев в Российской Империи. Этот шаг грузинского парламента в некоторой степени может считаться итогом лоббистских усилий группы активистов международного адыгского движения, сделавших правильный расчет в связи с ситуацией конфликта с Россией, в котором оказалась Грузия. Грузия, со своей стороны, до конца администрации Михаила Саакашвили поддерживала комплекс программ и мероприятий, целью которых было формирование позитивного имиджа Грузии внутри северокавказских сообществ. Эта доброжелательная «рамка» создала, среди прочего, более благоприятные возможности для публичной активности адыгских активистов, пытавшихся настоять на включении черкесского компонента в культурную программу Сочинской Олимпиады 2014 года или вовсе протестовавших против ее проведения в год 150-летия окончания Большой Кавказской войны. Но к Олимпиаде

в Грузии уже сменилась администрация, а Москва предприняла ряд необычно тонких шагов, направленных на политическое дробление международного адыгского движения. В результате «черкесский» фон Олимпиады был практически исключен.

Было ли ошибочным предположение ряда экспертов о том, что признание Россией Абхазии и Южной Осетии «разбудит» этнические сепаратистов внутри самой России? Ответ может быть утвердительным: дело в том, что сами этнические движения на Северном Кавказе претерпели существенные изменения с начала 1990-х, когда казалось, что они способны воспроизвести на южной границе России еще одну или несколько Абхазий. В большинстве регионов российского Северного Кавказа они маргинализировались и утратили значительную часть своего влияния. Формально почти все группы, входившие когда-то в ассоциативные объединения типа Конфедерации горских народов, продолжают существовать, но они или до степени неразличимости слились с местными администрациями, или превратились в специфические клубы по интересам. Интерес к ним извне, который проявлялся в разные периоды, к примеру, в Тбилиси и Анкаре, также явно снизился. Ни одно из этих движений к концу 2000-х годов не имело возможности предъявить тот результат в виде формирования де-факто государства, какой предъявляли Абхазия и Южная Осетия.

Чеченское «исключение»

Само сопоставление двух «успешных» сепаратистских проектов с угасающими движениями было едва ли безупречным. Впрочем, существует исключение в виде Чечни, новейшую историю которой иногда атрибутируют как сепаратистское движение, подавленное российским правительством. Между тем, это едва ли исчерпывающее описание. Чечня – единственный регион российского Северного Кавказа, истеблишмент которого сформировался в результате двух полномасштабных локальных войн, при активном участии сепаратистов. Она является приоритетным и привилегированным реципиентом федерального финансирования, обладает беспрецедентной для российских регионов внутренней автономией и способна активно влиять на российскую внутреннюю, а в некоторых специфических сегментах и внешнюю политику. Все это дает основание сопоставлять с Абхазией и Южной Осетией именно Чечню, а не маргинализированные этнические движения других регионов Северного Кавказа. Чечня, по большинству оценок, понесла существенно большие потери в результате войн, чем те, с которыми столкнулись Абхазия, Южная Осетия и Грузия, но ее нынешний статус, пусть и исключающий де-юре признание политической самостоятельности, де-факто выигрышнее. Было бы безответственно и упрощенно прямо заявить о том, что при этом чеченский сепаратистский проект остается несущей частью чеченского политического проекта и заявит о себе немедленно, как только по тем или иным причинам ослабнет российский контроль. Но очевидно, что грузинское правительство уже сейчас может рассматривать Чечню если не как самостоятельное политическое тело у своей северной границы, то уж точно как самостоятельный источник влияния.

Наиболее существенно то обстоятельство, что чеченское руководство в лице Рамзана Кадырова активно выстраивает отношения со странами, сообществами и отдельными персонами в странах Ближнего Востока. Можно предположить, что этот процесс частично ускользает из поля зрения российского правительства – в том числе в силу дефицита компетенции в области исламского богословия и политического ислама. На этом фоне Рамзан Кадыров может приносить пользу федеральному правительству и как специфический переговорщик, и как «маяк» сигнализирующий, что в России никак не преследуется, а наоборот поощряется, ислам. Но также очевидно, что развитие исламских связей извне и внутри страны приносит пользу самому Рамзану Кадырову, увеличивая его политический вес и уменьшая степень его персональной зависимости от Кремля.

Новые идентичности как вызов национальным правительствам

Российский ислам, для которого Северный Кавказ является одним из основных регионов распространения, наряду с Поволжьем и сообществами мусульманских мигрантов из стран Центральной Азии в больших городах, молод и динамичен – и особенно молод и динамичен он как раз на Северном Кавказе, где по-прежнему остается исключительно высоким уровень рождаемости. С начала 2000-х годов интерес к исламу в значительной мере вытеснил из общественного пространства Северного Кавказа этнические движения, в том числе в силу своего универсалистского характера. С начала 2000-х годов российское правительство исходило в своих действиях из дихотомии «традиционный ислам» (сунниты ханафиты в Поволжье и на Западе Северного Кавказа, суннитские суфийские ордена на Востоке Северного Кавказа) vs «импортированный» «радикальный» ислам (якобы идейная база терроризма и сепаратизма).

Это противопоставление изначально было крайне грубым. В практическом отношении оно привело к вовлечению государственных структур, с одной стороны, в догматический конфликт между «традиционалистами» и «обновленцами», попутно вышибая последних в нишу непримиримой вооруженной оппозиции, с другой – в финансируемый из государственного бюджета процесс расширения исламского дискурса в жизни северокавказских сообществ. Усилия, направленные на поддержку «союзника» – традиционных муфтиятов – в ряде случаев привели к тому, что мечеть стала восприниматься как правомочный эффективный институт, постепенно замещающий не вызывающие доверия институты государства. Инерция дихотомии «союзники традиционалисты» - «враги радикалы» создает ситуацию, в которой институционализация традиционной мечети едва ли не поощряется, тогда как тот же процесс в салафитской мечети вызывает полицейские репрессии. Парадокс же в том, что грань между традиционалистами и радикалами, изначально размытая, становится все менее различимой. Основная тенденция такова, что исламская молодежь все меньше признает авторитет базовых «традиционных структур» - духовных управлений мусульман. Кроме них, «на поле» есть салафитские сообщества и вооруженные радикалы Исламского государства и/или Аль-Каиды. Этот не слишком обнадеживающий набор обогащается присутствием Рамзана Кадырова, которого все большее число мусульман, как из традиционалистского, так и из обновленческого лагеря рассматривают как своего лидера, политического патрона и выразителя политических интересов. Для самого Рамзана Кадырова это создает дополнительный «запас прочности» на тот случай, если по тем или иным причинам изменятся условия «персональной унии», связывающей его с Владимиром Путиным. Таким образом, есть основания предполагать, что Чечня, вернувшая себе роль самостоятельного источника влияния на Кавказе, в среднесрочной перспективе останется кадыровской, а зона персонального влияния Кадырова выйдет за пределы чеченского этнического сообщества.

В свою очередь, изменения внутри исламского сообщества в значительной степени связаны с разрушением традиционных для Северного Кавказа социальных структур. Всего несколько лет назад оправдано было вести речь о некоторой слабости страновой идентичности жителей Северного Кавказа, которая проявлялась, например, в крайнем дефиците интереса к событиям 2013 – 2015 гг. в Украине, изменившим почти до неузнаваемости общенациональную «повестку дня» в РФ. Слабость страновой идентичности специфически компенсировалась чувством принадлежности к локальному сообществу (этнической группе, селу, сословию, фамилии) и формирующимися представлениями о глобальных сетях и сообществах (в том числе исламских). За последние несколько лет локальные привязки заметно ослабли в силу наступления города: часть сельских сообществ прямо переместилась в города, а часть стремительно деформируется прямо на месте в процессе изменения технологий сельского хозяйства, расширения спектра доступных средств коммуникации и трансформации структуры потребления. Этот процесс едва ли во всех случаях ведет прямо к усилению новых глобальных

идентичностей («мы больше не уздени из Андалалского общества в Дагестане, а прежде всего сунниты, требующие прекращения действий армии Асада против наших единомышленников»). Но он определенно ставит национальные правительства, в том числе российское и грузинское, с необходимостью искать новые способы взаимодействия с количественно растущими группами социально дезориентированного населения, стремительно выброшенного из традиционного села в город и пытающегося в нем адаптироваться. При отчетливой разнице между Грузией и российским Северным Кавказом в конфессиональной структуре населения Грузия сталкивается с той же проблемой, что и Россия. Грузинские города расположены в нескольких часах езды на машине от трансформирующихся сел Дагестана, но еще гораздо ближе к ним находятся села Грузии, подверженные той же социальной трансформации, пусть и вне исламского контекста.

Выводы

Отношения России и Грузии остаются в состоянии, в котором существенное расширение сотрудничества, в частности, в сфере развития приграничных регионов и обеспечения их безопасности, не представляется реалистичным, хотя обе страны в силу географического расположения в таком сотрудничестве заинтересованы;

Признанные российским правительством в 2008 году Абхазия и Южная Осетия за истекший период обрели ряд черт, характерных для российских северокавказских регионов, в части организации управления. Это, впрочем, не касается финансовой части: хотя Россия формирует бюджеты Абхазии и Южной Осетии в значительной мере, они все равно не сопоставимы с бюджетами регионов Северного Кавказа, в особенности таких приоритетных, как Чечня;

Предположения о том, что готовность России признать состоявшимися сепаратистские политические проекты в Абхазии и Южной Осетии спровоцируют рост этнического сепаратизма в северокавказских и других регионах РФ с существенным нерусским компонентом, не оправдались. При этом более ярким и в определенном смысле успешным примером достижения не суверенного, но в очень высокой степени автономного статуса для других российских регионов продолжает оставаться Чечня. Формально признавая суверенитет России, Чечня является в то же время вполне самостоятельным политическим телом, обладающим существенным влиянием как внутри РФ, так и за ее пределами.

Одним из каналов распространения этого влияния являются специфические группы, идентичность которых не является страновой. В ряде случаев речь идет об исламской идентичности, вытесняющей страновую, и такой взгляд позволяет считать эту проблему скорее российской, чем грузинской. Однако ислам является лишь вариантом специфического дизайна формирующейся идентичности больших групп людей, в результате технологической модернизации, урбанизации и глобализации лишившихся своей привычной социальной среды и в свою очередь трансформирующей социальную среду, с которой они имеют дело, расставшись со своей традицией. Это масштабный социальный и политический вызов, на который правительства на Кавказе и за его пределами пока не находят ответа, хотя он является едва ли не важнейшим в актуальной повестке дня.

ВОЗМОЖНО ЛИ НАШЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ?

Ираклий Менагаришвили

председатель Центра стратегических исследований

Главная дилемма, с которой столкнулась Грузия с первых дней своего независимого существования, была связана с вопросами безопасности страны. Что совсем не удивительно. Реализация модели отношений с международным сообществом и странами, находящимися в непосредственной близости от Грузии, является необходимым жизненным условием безопасного развития для любого государства и в особенности для маленькой страны. В процессе становления независимого государства, Грузия в основном смогла разрешить эту дилемму. Однако эта задача до сих пор не разрешена с таким важным соседом, как Россия, несмотря на то что, как неоднократно отмечалось, создание атмосферы дружественных, добрососедских отношений и сотрудничества с Россией является для Грузии геополитическим императивом.

Тема безопасности как проблема грузино-российских отношений

Вопрос безопасности, наверное, является одним из самых проблематичных в сфере грузино-российских отношений, так как за редким исключением оценки сторонами каждого его аспекта либо диаметрально противоположны, либо значительно отличаются друг от друга. Причиной является абсолютно различное восприятие развития событий, разворачивающихся в мире и на постсоветском пространстве после окончания холодной войны.

Ниже приведены лишь некоторые аспекты данной проблемы:

- 1) Оценка российской политической элитой внутривнутриполитических бурных событий и конфликтов, усугубившихся в первые драматические годы независимости Грузии, а также путей их урегулирования и роли, которую Россия играла в этих процессах, резко отличалась и отличается от взглядов грузинской общественности. Тбилиси рассматривал и продолжает рассматривать действия России как вмешательство во внутренние дела Грузии, тогда как, по мнению Москвы, она лишь выполняет обычную для имперского центра функцию, а именно: сохраняет стабильность на постсоветском пространстве и защищает права малочисленных народов и русскоязычного населения.
- 2) Грузия, будучи членом международного сообщества, имеет полное право претендовать на самостоятельный выбор союзников, сферы цивилизации, интегрирование в которую отвечает ее интересам и т. д. Позиция же России совершенно иная. Несмотря на распад Советского Союза, Россия признает постсоветское пространство как сферу своих жизненно важных интересов и требует от международного сообщества аналогичного признания и уважения своего особого статуса. Поэтому она считает, что будущая динамика развития постсоветского пространства, его отношения с внешним миром должны быть разработаны прежде всего с учетом интересов России и сформулированных ею приоритетов. Последние события в Украине, равно как и события, произошедшие в Грузии в 2008 году, ясно показали, что для достижения этой цели Россия готова прибегнуть к применению силы.
- 3) Взгляды на будущее обеспечение безопасности и стабильности в Кавказском также радикально различаются. Грузия рассматривает евроатлантическую систему безопасности в качестве гарантии своего стабильного развития. Однако, для Российской Федерации это неприемлемо. По ее словам, укоренение влияния евроатлантических структур в любой стране на постсоветском пространстве недопустимо, так как подрывает жизненно важные интересы России.

Столь различное восприятие ситуации и происходящих событий уже ни один раз становилось основанием для возникновения острых споров и даже конфликтов между двумя соседними странами.

Что мы имеем на сегодняшний день?

После военного кризиса 2008 года и признания Российской Федерацией независимости оккупированных Абхазии и Южной Осетии положение оказалось тупиковым. Тбилиси разорвал дипломатические отношения с Российской Федерацией. Ситуация усугубилась после решения России открыть дипломатические представительства в Абхазии и Южной Осетии, равно как принять их представительства на территории России, и заключить с ними ряд межгосударственных договоров в таких сферах как оборона и безопасность.

Во всех этих шагах Тбилиси, не без основания, видит попытку России оказать на Грузию давление в отместку за ее выбор в пользу Запада.

В результате, проведение любых мирных переговоров по урегулированию конфликта стало практически невозможным. Проходящие с международным участием Женевские переговоры фактически превратились в арену для предъявления взаимных обвинений и политических претензий.

В этих условиях единственной эффективной формой сохранения конструктивного диалога между двумя странами являются встречи специального представителя премьер-министра Грузии З. Абашидзе и заместителя министра иностранных дел РФ Г. Карасина, в ходе которых обсуждаются отдельные практические вопросы. Однако потенциал этих встреч ограничен, поскольку их повестка дня не включает вопросы, входящие в сферу безопасности и, что более важно, основную проблему двух стран: кризис 2008 года и пути его преодоления.

На первый взгляд ситуация действительно безвыходная. Однако существует другая реальность: соседство России и Грузии, которое, с одной стороны, создает проблемы и требует их решения, а, с другой стороны, создает новые возможности (а иногда и необходимость) для сотрудничества. Ниже в двух словах по поводу таких возможностей.

Одна из таких возможностей уже была вкратце рассмотрена в предыдущей статье, подготовленной в рамках данного проекта. Но в ней лишь в общих чертах была упомянута необходимость решения существующей дилеммы.

Общая дилемма

Одна из дилемм, с которой сталкивается и Грузия и Россия, находится в числе сложнейших глобальных угроз. Речь идет о мощной вспышке исламского экстремизма, проникшего практически на все континенты. На сегодняшний день его эпицентр расположен на Ближнем Востоке. Эхо этой вспышки усугубило существовавшие противоречия на постсоветском пространстве, и одним из центров напряжения стал Кавказский регион.

Эта проблема охватывает многие уголки данного региона, но на российском Северном Кавказе она проявилась в наиболее острой форме. Тема этнического сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе возникла и раньше. Теперь к сложной ситуации с безопасностью на Кавказе добавились события, разворачивающиеся на Ближнем Востоке, в связи с выходом на политическую сцену исламистского движения крайне экстремистской направленности – Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ).

Агрессивные действия ИГИЛ оказались особенно деструктивными в международном масштабе вследствие того, что представители мусульманских общин вербовались для участия в джихаде

практически во всех уголках мира. Эта проблема не обошла стороной и Кавказ, в частности, Российскую Федерацию, Азербайджан и Грузию.

Это явление вновь связало процессы в России и Грузии: несмотря на то что, по данным экспертов, число исламских боевиков из Грузии несопоставимо с числом исламских боевиков из России, вскоре обе страны станут перед лицом одной серьезной проблемы: судьба джихадистов, вернувшихся на родину по завершении боевых действий на Ближнем Востоке, и их поведение в будущем.

На основе всего вышеперечисленного можно сделать два вывода:

1) Это тот случай, когда интересы безопасности двух соседних государств тесно взаимосвязаны независимо от наличия между ними серьезных разногласий. Более того, упомянутая опасность напрямую угрожает Азербайджану и другим соседним странам региона. И здесь уже будет сложно выяснить, где именно возникли и активизировались те или иные экстремистские группировки.

К сожалению, терроризм и экстремизм не признают ни государственных границ, ни законов их функционирования.

У Грузии в недалеком прошлом уже имелся горький опыт в этой области. Имеется в виду так называемая проблема «Панкиси», возникшая во время второй чеченской кампании России.

Все вышеперечисленное однозначно демонстрирует необходимость анализа, планирования и осуществления совместных действий с целью предотвращения возможных проявлений религиозного экстремизма в регионе Кавказа. Вместе с тем мы считаем, что необходимо принять во внимание два момента.

Во-первых, совместная работа должна планироваться и осуществляться на всей территории Кавказа, при участии и тесном взаимодействии всех государств региона.

Во-вторых, необходимым условием должно стать многостороннее сотрудничество. Примером служит положительный опыт совместной работы России и Грузии против террористической угрозы во время олимпиады в Сочи. Речь идет об активном участии в этой работе других дружественных стран, которое оказалось очень успешным.

2) Борьба с религиозным экстремизмом не может ограничиваться лишь неотложными мерами. Сегодня необходимо отслеживать динамику развития событий в мусульманских общинах по всему Кавказу, и эта тема может стать одним из важнейших аспектов многостороннего сотрудничества экспертного сообщества. Мы считаем, что организация совместного мониторинга, анализ данной темы и связанных с ней вопросов будут полезны для всех заинтересованных экспертных групп кавказских государств.

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: НЕОБХОДИМОСТЬ В КОМПЛЕКСНОЙ ПОЛИТИКЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ АННЕКСИИ

Паата Гаприндашвили
директор Ассоциации реформ Грузии

Цель России

В 2014 году Россия присоединила украинский Крым, и теперь Грузия сталкивается не только с опасными рисками вследствие продолжающейся оккупации и присутствия незаконных российских вооруженных сил в Южной Осетии и Абхазии, но и с угрозой аннексии этих грузинских регионов.

Как показала и доказала история, Россия никогда не принимала ни успехов в продвижении к демократии своих соседей, включая Грузию, ни свободного выбора ими альянсов, и серьезно нарушала основные принципы Хельсинкского заключительного акта: воздерживаться от применения силы или угрозы применения силы и силового вмешательства во внутренние дела другого государства, уважать суверенитет и территориальную целостность, а также нерушимость границ. К сожалению, определение Россией своей безопасности только означало отсутствие безопасности для ее соседей. В Грузии Россия незаконно поддерживала сепаратистов и регулярно предоставляла им оружие, что привело к этнической чистке и насильственному перемещению нескольких тысяч граждан, в основном этнических грузин.

Основная цель Российской Федерации - вернуть Грузию в сферу ее влияния и, следовательно, не позволить Грузии стать членом НАТО или ЕС. Как было ясно продемонстрировано событиями последних нескольких десятилетий, Россия активно использует военные и невоенные возможности для достижения своих целей в Грузии: развертывает российские военные базы в Абхазии и Цхинвальском регионе – Южной Осетии, проводит работы по превращению административных разделительных линий в «границу», осуществляет ползучую аннексию Южной Осетии и Абхазии, проводит активную антизападную кампанию, целью которой является создание нестабильности, подрыв демократического развития страны, срыв ее интеграции в евроатлантические структуры и превращение ее в своего сателлита.

От признания к аннексии

Вскоре после августовской войны 2008 года президент России Дмитрий Медведев подписал указы о признании Абхазии и Южной Осетии суверенными государствами¹. Медведев также подписал федеральные законы, ратифицирующие соглашения о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между его правительством и правительствами Абхазии и Южной Осетии². Этот шаг стал важным развитием в подходе России, поскольку она начала открыто поддерживать сепаратистские регионы и использовать эти конфликты в качестве политического рычага давления на Грузию и ее внешнюю политику. После признания независимости Россия начала активную кампанию по „убеждению“ других государств последовать ее примеру. На сегодняшний день только Никарагуа, Венесуэла и Науру признали Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами; Тувалу и Вануату отказались от признания их независимости в связи с политикой непризнания, успешно проводимой Грузией³. Хотя абсолютное большинство

¹ Заявление президента России Дмитрия Медведева от 26-ого августа 2008 г.; см. на сайте www.goo.gl/zJLcSB (на англ. яз.)

² “Сегодня в Кремле президент подписал договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия»; см. на сайте www.en.kremlin.ru/events/president/news/1439 (на англ. яз.)

³ Ассоциация реформ Грузии, 2014 г. «Новый этап взаимоотношений между Грузией и Россией: необходимость формирования стратегии по противодействию аннексии»; см. на сайте www.grass.org.ge/wp-content/uploads/2015/02/Anti-Annexation-Strategy.pdf (на англ. яз.)

государств, а также крупные международные организации признают территориальную целостность Грузии, постоянные усилия России по получению поддержки со стороны других стран остаются серьезным внешнеполитическим вызовом для Тбилиси.

Последние несколько лет выявили еще более тревожные тенденции. После оккупации Южной Осетии и Абхазии и размещения нескольких тысяч военнослужащих, Россия начала проводить политику аннексии. Политика аннексии стала особенно заметной с тех пор, как 24-ого ноября 2014 года Россия подписала Договор об альянсе и интеграции⁴ с Сухуми и 18-ого марта 2015 года Договор о союзничестве и интеграции⁵ с Цхинвали. Эти соглашения подразумевают полную интеграцию Южной Осетии и Абхазии в российскую правовую зону в сфере обороны, безопасности и таможни.

Весьма вероятно, что в обозримом будущем Российская Федерация может полностью аннексировать данные грузинские территории. В случае с Южной Осетией неизбежная угроза аннексии также выражается в обсуждении референдума, который позволит местному населению «проголосовать» за объединение с Северной Осетией и таким образом стать частью Российской Федерации. Хотя позиция России в отношении референдума остается неоднозначной, тем не менее, учитывая прецедент Крыма, такая возможность может быть в любое время реализована. По словам бывшего командующего войсками США и НАТО в Европе адмирала Джеймса Ставридиса, «Крым - это не конец черноморских амбиций России»⁶.

В то время как политика и действия Москвы по присоединению Южной Осетии и Абхазии признаются Германским институтом по международным делам и вопросам безопасности (Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP), одним из ведущих немецких исследовательских центров, мотивация этих действий интерпретируется как «ситуативный ответ Кремля на ряд текущих вызовов на Кавказе, призванный в первую очередь успокоить ситуацию и заблокировать разжигание возможных сепаратистских настроений в северокавказских республиках России»⁷. Как далее утверждается, «Москва считает Южную Осетию – как и Абхазию – важным компонентом своей политики на Северном Кавказе, и интеграция Южной Осетии не является тщательно спланированной частью какого-то реваншистского генерального плана».

Какова бы ни была «подлинная» мотивация политики аннексии двух грузинских регионов, реальная ситуация заключается в том, что Кремль продолжит использование податливости стран ЕС / НАТО для давления и шантажа, и вновь посылать им четкий сигнал: любой последующий процесс интеграции, такой как, например, предоставление Грузии Плана действий для членства приведет к усилению дестабилизации и вызовет полную аннексию грузинских территорий. С точки зрения России, прежде чем Кремль примет окончательное решение, использование угрозы аннексии может стать для уже скептически настроенного в отношении расширения НАТО / ЕС Запада эффективным сдерживающим фактором, побуждающим его не предпринимать дальнейших шагов по направлению к интеграции Грузии (например, по предоставлению Плана действия для членства в случае НАТО или «европейской перспективы» в случае ЕС), поскольку Запад опасается дальнейшего ухудшения

⁴ Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве; 24-ое ноября 2014 г.; см. на сайте www.kremlin.ru/supplement/4783

⁵ Путин и Тбилизов подписали Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции; см. на сайте www.en.kremlin.ru/events/president/news/47873 (на англ. яз.)

⁶ Джеймс Ставридис, 2017 г. «Крым – это не конец черноморских амбиций России.»; см. на сайте www.goo.gl/6TxnMv (на англ. яз.)

⁷ Францишка Смольник. 2016 г. «Республика Осетия-Алания: объединение Северной и Южной Осетий в рамках Российской Федерации»; статья опубликована в сборнике «Одиннадцать возможных поворотов российской иностранной политики» под редакцией Сабини Фишер и Маргарет Клайн, стр. 64-71 (Franziska Smolnik. 2016. “Republic of Ossetia-Alania: North and South Ossetia Unify in the Russian Federation” in Sabine Fischer, Margarete Klein (eds.) *Eleven Possible Turns in Russia's Foreign Policy*); см. на сайте www.goo.gl/J2cHyт (на англ. яз.)

отношений с Россией. Поэтому Россия будет и дальше использовать такие настроения и в то же время продолжать готовить почву для аннексии, если только не будут созданы эффективные механизмы реагирования.

«Укрепление границы» – акт безмолвной войны

В августе 2008 года военная агрессия со стороны Российской Федерации наряду с оккупацией Абхазии и Цхинвальского региона, а также развертывание в них на постоянной основе российских войск и военной инфраструктуры, значительно ухудшили условия безопасности Грузии. С тех пор продолжается «безмолвная война против Грузии»⁸. Российская Федерация активизировала укрепление оккупационных линий, вырыв траншеи, установив ограждения из колючей проволоки, так называемые «пограничные знаки» и другие искусственные барьеры. Семьи серьезно пострадали от ограждений из колючей проволоки, урезающих их жилища или угодья⁹. 4-ого июля 2017 года российские оккупационные силы незаконно установили знак границы напротив линии оккупации в Цхинвальском регионе в районе села Бершуети Горийского района. Линия оккупации теперь находится в 350-400 метрах от главной автомагистрали, которая пересекает Грузию с востока на запад и имеет важное значение для региона, поскольку она соединяет Азербайджан и Черноморское побережье¹⁰.

С 2011 года в рамках «ползучей аннексии» Южной Осетии и Абхазии российские оккупационные силы активно проводят политику «укрепления государственной границы» вдоль административных границ этих регионов, тем самым создавая одну из самых серьезных проблем безопасности как для правительства Грузии, так и для служб безопасности. Длина оккупационной линии в Цхинвальском регионе составляет 350 км., из них 52 км. на сегодняшний день покрыты ограждениями из колючей проволоки (для сравнения: в 2013 году она составляла 32 км.). Россия намеренно затягивает процесс «укрепления границы» с тем, чтобы оказывать давление на грузинское правительство и международное сообщество и создавать чувство незащищенности и уязвимости. Своими провокациями Кремль сеет страх среди мирного населения на местах и вызывает эмоциональную реакцию со стороны граждан Грузии, которые могут оказаться вовлечены в неконтролируемый процесс. Представители правительства неоднократно подчеркивали, что ситуация на пограничной линии становится все более опасной и может перейти в стадию неуправляемого процесса. Она, среди прочего, служит одной из ключевых целей России: «изображая страну для членов НАТО и ЕС как нестабильную и неспособную защитить себя военным путем и, следовательно, в качестве члена, потенциально представляющую собой бремя, не допустить присоединения Грузии к этим организациям»¹¹.

Конец «сбалансированной политики»?

Нынешнее грузинское правительство пыталось вести «новую, более сбалансированную политику» по отношению к России путем создания двустороннего канала для диалога с Москвой. Представителям Грузии и России было поручено обсуждать и развивать торговые отношения, транспорт, коммуникации и гуманитарно-культурные отношения между двумя

⁸ Д-р Роберт Э. Хэмилтон, Грузинский институт политики, мнение эксперта; см. на сайте www.gip.ge/wp-content/uploads/2017/08/Expert-comment-5.pdf (на англ. яз.)

⁹ Заявление премьер-министра Квирикашвили на 72-ом заседании Генеральной Ассамблеи ООН. General Assembly; см. на сайте www.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=470&info_id=62501 (на англ. яз.)

¹⁰ Эльза Элбакидзе, 2017 г., *Ползучая оккупация России в цифрах*; см. на сайте www.factcheck.ge/article/rusulimtsotsavi-okupatsia-tsiphrebshi/ (на груз. яз.)

¹¹ Д-р Роберт Э. Хэмилтон; см. на сайте www.gip.ge/wp-content/uploads/2017/08/Expert-comment-5.pdf (на англ. яз.)

странами. Интересно, что согласно их мандату, в его рамках можно было рассматривать и «другие возможные сферы сотрудничества»¹². Тбилиси действительно надеялся, что «новая политика» правительства в отношении России, направленная на начало двусторонних переговоров, принесет положительные результаты. Однако незначительный прогресс, достигнутый в настоящее время в некоторых областях, не затронул сферу безопасности. Более того, ситуация даже ухудшилась, и Россия еще больше укрепила свое незаконное положение в Грузии¹³.

Подписание Москвой и Сухуми «договора» о союзе и стратегическом партнерстве правительство Грузии оценило как «недвусмысленный шаг России по направлению к фактической аннексии грузинских территорий»¹⁴. С тех пор правительственные чиновники говорят об угрозе аннексии. Референдум 9-ого апреля 2017 года по переименованию Южной Осетии в «Республику Южная Осетия - государство Алания», по аналогии с Республикой Северная Осетия - Алания [один из регионов России на Северном Кавказе], Тбилиси назвал попыткой России «заложить основу для незаконной аннексии оккупированного региона»¹⁵. Премьер-министр Квирикашвили также отметил, что «в ответ на мирную политику и усилия Грузии по установлению примирения и укреплению доверия между населением, разделенным линией оккупации, Российская Федерация, к сожалению, продолжает предпринимать шаги по усилению изоляции и аннексии оккупированных территорий Грузии». Он призвал международное сообщество «объединить силы и противостоять провокационным действиям Российской Федерации с целью предотвращения нарушения территориальной целостности суверенных государств и навязывания практики незаконной аннексии, которая подрывает стабильность региона и международной системы, основанной на демократических ценностях»¹⁶.

Президент Маргвелашвили также увязал политику аннексии России с реакцией на политику непризнания, успешно проводимую Грузией: «Грузия предприняла очень важные шаги с точки зрения своей политики непризнания, и мы действительно добились заметного успеха. Российская Федерация реагирует на нашу политику аннексией и ползучей оккупацией грузинских территорий»¹⁷.

Несмотря на то, что правительство признало попытки аннексии со стороны Кремля угрозой, оно мало что сделало для того, чтобы предложить конкретные механизмы для решения этой проблемы наилучшим способом. По внешнеполитической стратегии Грузии на 2015-2018 годы лишь отмечено, что «активные усилия, а также тесное сотрудничество с международным сообществом будут продолжены с тем, чтобы сдерживать и предотвращать шаги, направленные Российской Федерацией на присоединение оккупированных регионов Южной Осетии и Абхазии»¹⁸.

¹² Указ премьер-министра Грузии No. 39; см. на сайте www.goo.gl/naKm5p (на груз. яз.)

¹³ Интервью с высокопоставленным правительственным чиновником, который говорил на условиях анонимности.

¹⁴ Заявление премьер-министра Грузии в связи с подписанием т.н. Договора между Российской Федерацией и де-факто Республикой Абхазия о союзнничестве и стратегическом партнерстве; см. на сайте www.spain.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=131&info_id=28136 (на англ. яз.)

¹⁵ Заявление Министерства иностранных дел Грузии в связи с так называемыми выборами и референдумом на оккупированной территории Цхинвальского региона / Южной Осетии; см. на сайте [www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmeta-saministros-ganckhadeba-okupir-\(2\).aspx?CatID=5&lang=en-US](http://www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmeta-saministros-ganckhadeba-okupir-(2).aspx?CatID=5&lang=en-US) (на англ.яз.)

¹⁶ Заявление премьер-министра Грузии по поводу проведения референдума в Цхинвальском регионе; см. на сайте www.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=463&info_id=59780 (на англ. яз.)

¹⁷ «Президент Маргвелашвили обсуждает будущие шаги в отношении политики непризнания и противодействия аннексии»; см. на сайте www.goo.gl/RAoVXN (на англ.яз.)

¹⁸ Министерство иностранных дел Грузии, Стратегия Грузии в области иностранной политики на 2015-2018 гг.; см. на сайте www.goo.gl/kvqu2U (на англ. яз.)

Необходимость в комплексном ответе

Угроза аннексии, помимо ее признания, требует комплексного подхода, который включал бы задействование ряда правовых, политических, экономических и гуманитарных средств и рычагов воздействия на соответствующих многосторонних и двусторонних площадках. Кроме того, необходимо провести различие между политикой непризнания и противодействием аннексии, чтобы лучше реагировать на проблемы с учетом новых реалий. Необходимо предпринимать более активные усилия для мобилизации¹⁹ поддержки и вовлечения международных партнеров, с целью принятия превентивных мер²⁰.

Разработка согласованного механизма реагирования на политику аннексии России остается одной из важнейших задач Грузии в области внешней политики и безопасности. В своем обращении к парламенту от 4-ого июля 2017 года президент Грузии признал отсутствие политики по противодействию аннексии и необходимость ее принятия: «Как и в случае политики непризнания, необходимо, при активном участии наших союзников, разработать политику по противодействию аннексии оккупированных территорий Грузии и принять ряд скоординированных мер для сдерживания аннексии»²¹.

Будущее можно предсказать, но можно ли его избежать?

Ввиду расхождения в позициях и устремлениях, а также различных интересов и государственной политики Грузии и России, существенной позитивной динамики в будущих отношениях между двумя странами не предвидится еще много лет. Президент Путин в обозримом будущем явно останется на своем посту. Весьма вероятно, что Россия продолжит усиливать меры принудительного характера в отношении Грузии с помощью различных гибридных средств, в том числе повсеместной антизападной пропаганды, направленной на дискредитацию евроатлантического курса Грузии, а также на подрыв демократических норм управления; в ближайшем будущем Россия будет стремиться к тому, чтобы в Грузии пришло к власти явно пророссийское правительство.

В ближайшие годы с большей долей вероятности в России может произойти значительный экономический спад. Поэтому мы еще будем свидетелями больших потрясений и дальнейшей концентрации власти и усиления авторитаризма при президенте Путине. Кремль продолжит свою тактику, при которой на внутренние проблемы он реагирует внешними «усилиями». Будущее российско-грузинских отношений будет ознаменовано возросшей угрозой аннексии, а может и непосредственной аннексией Южной Осетии и Абхазии, если только не будут приняты меры сдерживания.

Еще не слишком поздно: формирование политики по противодействию аннексии

Грузии необходимо противостоять угрозе аннексии путем разработки всеобъемлющей и долгосрочной политики по противодействию аннексии, включая план действий, который может эффективно работать только при условии тесной координации с США, ЕС и другими

¹⁹ Ассоциация реформ Грузии, 2014 г. *Новый этап в грузино-российских отношениях: необходимо сформировать стратегию по противодействию аннексии*; см. на сайте www.grass.org.ge/wp-content/uploads/2015/02/Anti-Annexation-Strategy.pdf (на англ. яз.)

²⁰ Францишка Смольник. 2016 г. «Республика Осетия-Алания: объединение Северной и Южной Осетий в рамках Российской Федерации»; статья опубликована в сборнике «Одиннадцать возможных поворотов российской иностранной политики» под редакцией Сабины Фишер и Маргарет Клайн, 71 (Franziska Smolnik. 2016. “‘Republic of Ossetia-Alania:’ North and South Ossetia Unify in the Russian Federation” in Sabine Fischer, Margarete Klein (eds.) *Eleven Possible Turns in Russia’s Foreign Policy*), стр. 64-71; см. на сайте www.goo.gl/J2cHyт (на англ. яз.)

²¹ Годовой отчет президента Грузии за 2017 год; см. на сайте www.goo.gl/hyVwрn (на англ. яз.)

международными партнерами. Переход от оккупации к аннексии со стороны России потребует ряд параллельно предпринимаемых мер со стороны Грузии которые могут включать, помимо прочих, следующие действия:

- Согласованные, скоординированные и активные дипломатические и политические шаги в отношении международных партнеров с целью принятия превентивных мер.
- Подготовка правовой и политической основы для внесения судебных исков в международные суды.
- Регулярное использование правовых, политических, гуманитарных и других рычагов, доступных в рамках различных международных организаций.
- Обзор вопросов национальной безопасности (National Security Review) и разработка пакета концептуальных и стратегических документов, учитывающие новые угрозы, обусловленные аннексией.
- Разработка целостного подхода правительства к противоправному давлению России, включая информационную войну.
- Активное сотрудничество с международной прессой с целью формирования международного мнения.
- Внедрение новой международной правовой и политической терминологии, связанной с вопросами аннексии.
- Формирование для населения Сухуми и Цхинвали новых, реалистичных и эффективных инициатив, по возможности придерживаясь нейтрального подхода к вопросам статуса, и выделяя значительные финансовые и человеческие ресурсы для достижения этой цели.
- Сокращение экономической и энергетической зависимости Грузии от России.
- Пересмотр политических отношений с Российской Федерацией²².

Вышеуказанные пункты являются скорее обобщенными направлениями требуемых мер, и каждое из них нуждается в тщательно спланированных последующих действиях, выходящих за рамки данной статьи.

В заключение надо отметить, что в условиях тревожной обстановки в плане безопасности, начиная с продолжающейся оккупации и заканчивая предсказуемой попыткой Кремля аннексировать отколовшиеся от Грузии регионы, Тбилиси должен разработать эффективную политику по противодействию аннексии, гарантирующую жизнестойкость страны перед лицом широкомасштабных рисков и угроз со стороны Москвы.

²² Данные рекомендации основаны на публикации Ассоциации реформ Грузии; см. на сайте www.grass.org.ge/wp-content/uploads/2015/02/Anti-Annexation-Strategy.pdf (на англ. яз.)

РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Юлия Жучкова

Научный сотрудник, Томский государственный университет

Нынешний кризис в отношениях России и ее западных соседей явился помимо прочего результатом столкновения двух систем мировоззрений: европейской, основанной на соблюдении норм международного права и демократических ценностей, и российской, основанной на политике силы. Укрепление последней происходило с нарастающей скоростью с середины 90-х годов, когда на смену короткой эпохе безоговорочной ориентации на Запад пришло разочарование в реформах и неспособности интегрироваться в евроатлантическую цивилизацию. Российская элита чувствовала, что пора возвращаться к привычным формам жизни, которым была свойственна персонализация власти и настороженность, даже враждебность, по отношению к Западу в целом. Расширение Европейского союза (включение в его состав не только «сателлитов» СССР, но и трех бывших советских республик – Латвии, Литвы и Эстонии), членство недавних союзных республик во враждебном Североатлантическом альянсе, формирование абсолютно новой идентичности и быстрое финансово-экономическое «освоение» постсоветского пространства вновь оживили старые страхи и амбиции Москвы. Однако открыто своей обеспокоенности возможными угрозами своим интересам она долгое время не высказывала. Находясь в процессе перманентной трансформации и развития новых измерений внешней политики, Европейский союз не смог вовремя разглядеть первые признаки «возвращения России к державной матрице»¹.

Рассматривая мир сквозь призму концепции «баланса сил», Москва весьма болезненно отнеслась к усилению конкуренции на постсоветском пространстве, особенно в свете событий «Оранжевой революции». Захлестнувшие в период с 2003 по 2009 года «цветные революции» заставили осознать ограниченную привлекательность российской модели интеграции и сменить тактику в отношении стран «ближнего зарубежья», которые продолжали высказывать неподдельный интерес к евроатлантическим структурам. В сложившейся ситуации Кремль усилил давление на бывшие союзные республики, во-первых, за счет резкого прекращения поставок газа, во-вторых, за счет пересмотра цен на поставляемые энергоресурсы лояльным и нелояльным режимам, в-третьих, за счет активизации деятельности про-кремлевских организаций и педалирования вопроса о статусе русского языка на территории сопредельных государств. Охвативший российскую элиту страх перед тем, что внешняя критика может привести к ослаблению нынешнего режима, и, как следствие, предоставить возможность внешнего контроля над ним, основывался отчасти на восприятии вмешательства Запада в «Оранжевую революцию»². Во внутренней политике страх потерять власть привел Кремль к ужесточению режима, а на международном уровне – к отчуждению между Россией и Западом и «упреждающим» действиям в Абхазии и Южной Осетии, позднее – в Восточной Украине и Крыму.

Отказ России от участия в Европейской политике соседства значительно сузил возможности ее влияния на формат восточного измерения политики соседства Европейского союза, а использование жестких рычагов воздействия (*hard power leverages*) в отношениях с бывшими союзными республиками фактически предопределило его содержание и характер. Запущенный в 2009 году проект Европейского союза «Восточное партнерство» был направлен на развитие интеграционных связей между Европейским союзом и Арменией, Азербайджаном,

¹ Шевцова Л. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2010. С.15

² Ambrosio T. Authoritarian Backlash: Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union. Ashgate Publishing, Ltd., 2009. P. 76.

Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной на основе ценностей, норм и стандартов ЕС. Конечной целью сотрудничества ЕС со странами-партнерами в рамках данного проекта было объявлено заключение соглашений об ассоциации, создание глубоких и всеобъемлющих зон свободной торговли и введение безвизовых режимов. Несмотря на заверения европейских коллег в лице Карела Шварценберга –министра иностранных дел Чехии (2007-2013), Карла Бильдта – министра иностранных дел Швеции (2006-2014), Радослава Сикорского – министра иностранных дел Польши (2007-2014) о том, что «Восточное партнерство» никоим образом не нацелено против России, Кремль оставался довольно скептически настроен. Так, Сергей Лавров – министр иностранных дел Российской Федерации – на «Брюссельском форуме 2009» выразил опасения по поводу того, что не призвано ли «Восточное партнерство» сбить государства с того курса, который они должны выбирать свободно, попутно обвинив ЕС в запугивании давлением.³

Подобную обеспокоенность Кремля вызывала не только способность Европейского союза в кратчайшие сроки официально учредить «Восточное партнерство», но и готовность «братских народов» развивать сотрудничество с ЕС в русле политики кондициональности. В общем смысле кондициональность утверждает те условия, при которых определенное государство становится частью правового пространства, от членства или ассоциации с которым получает очевидные выгоды (например, в форме политической, экономической, материальной или организационной помощи) – и в то же время предполагает, что страны-кандидаты и/или ассоциированные страны способны эффективно имплементировать проверенные юридические и организационные европейские практики. В рамках Европейской политики соседства принцип кондициональности был сформулирован таким образом, что создание зоны свободной и всеобъемлющей торговли, являющейся ключевой частью Соглашения об ассоциации, требует от соседей взять на себя большую часть *acquis* ЕС. Иными словами, Москва рассматривала «Восточное партнерство» как расширение зоны влияния Европейского союза и продвижение его интересов на шесть стран постсоветского пространства. Исходя из этого, в качестве реальных целей «Восточного партнерства» официальная Москва называла подрыв геополитического влияния России в регионе, получение новых рынков сбыта, создание альтернативных путей энергоснабжения ЕС.

Большинство российских экспертов объясняло учреждение «Восточного партнерства» следующим образом: Европейский союз, действуя в фарватере политики США, постоянно наращивает усилия по ослаблению российского влияния на постсоветском пространстве, используя дипломатию, инициативы в сфере энергетики и экономической области, оказывая поддержку в создании новых объединений из бывших республик⁴. Прежде всего, речь идет о внешнеполитических условиях, при которых концептуализировалась идея партнерства. Москва рассматривала «Восточное партнерство» как реакцию Брюсселя на подписание в октябре 2007 года Договора о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза, на военный конфликт с Грузией 2008 года и неэффективность ГУАМа (региональной организации, деятельность которой направлена на ослабление экономической и энергетической зависимости вошедших в нее государств от России). Сточки зрения экономики, речь идет о создании зоны свободной торговли между странами-партнерами и ЕС. Это значит, что в ситуации, когда сельскохозяйственная и промышленная продукция этих шести стран не конкурентоспособна по сравнению с европейской, режим свободной торговли обеспечит

³ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на «Брюссельском форуме 2009». Брюссель, 21 марта 2009 года / Постоянное представительство России при международных организациях в Вене. URL: www.rus.rusmission.org/policy/252. Или Посольство Российской Федерации в Республике Узбекистан. URL: www.russia.uz/index.php/2010-01-13-05-27-03/154---24

⁴ Жильцов С. С. СНГ под натиском «Восточного партнерства». Независимая газета, 30.04.2009. URL: www.ng.ru/politics/2009-04-30/3_kartblansh.html

рынки сбыта лишь для европейских компаний. Кроме того, учитывая энергозависимость от России и неуверенность в надежности Украины как транзитера, Европейский союз поддерживает строительство новых трубопроводов в обход России, переключение поставок энергоресурсов Азербайджана на новые пути и синхронизацию украинской и молдавской энергосистем с европейской.

Изначально расценивая идею интеграции соседних стран с Европейским союзом как отвечающую реальности лишь отчасти, Россия не совсем всерьез отнеслась к проекту «Восточного партнерства». Однако достигнутый, пусть и ограниченный, прогресс в отношениях между ЕС со странами-партнерами привел к резкому изменению позиции Кремля. Намерение стать ассоциированными членами ЕС, а не вступить в Таможенный союз – альтернативный проект Москвы, высказали сразу три государства-члена СНГ – Украина, Молдова и Армения, что подтолкнуло Россию предпринять еще более решительные шаги на международной арене. Кремль начал открытое давление на страны «Восточного партнерства», ввел ограничения на торговлю с западными странами, сулил материальную и экономическую помощь тем государствам, которые отказывались подписывать Соглашение об ассоциации, напоминал о «замороженных» конфликтах вдоль границ. Лучшим примером такой тактики является политика России в отношении Украины в 2013 году: разговоры об общей многовековой истории, общем православном наследии, предложения скидки на поставляемый газ и уголь, введение ограничений на торговлю с Украиной. Аналогичного подхода Москва придерживалась в диалоге с Молдовой и Арменией, добавляя к этому возможность активизации военных действий в Нагорном Карабахе и Приднестровье. Поскольку российская элита мыслит территориями, расширение сферы влияния ЕС она воспринимает как ограничение собственной возможности экспансии – пусть даже гипотетической, но для российских стратегов это важно (да и скачки популярности Путина тоже обусловлены маленькими успешными победоносными войнами). Чем больше расширяются европейские структуры и зона их влияния, тем сильнее сужается пространство для манёвра.

Таким образом, Кремль осознал, что усиление торгово-экономических связей сторон в рамках «Восточного партнерства», переход к единым стандартам, имплементация в административную культуру европейских ценностей, норм и практик в действительности ставят под угрозу не только российские геополитические устремления, но и сложившуюся модель государственного управления. В течение многих лет российская элита действовала без оглядки на верховенство закона, нужды и интересы населения, ее интересовало только удержание власти в собственных руках. Поэтому самосохранение власти привело к сворачиванию демократии, централизации власти и сокращению предпринимательской свободы внутри страны, запугиванию давлением и агрессивной внешней политике в отношениях с соседними странами.

Кремль боится не только и не столько военной мощи Североатлантического альянса, сколько мягкой силы Европейского союза. Это чувство уязвимости перед Западом в целом и ЕС в частности усиливается озабоченностью российских элит относительно внутренней слабости страны и ее политики. Именно поэтому они обращаются к ужесточению внутренней политики, милитаризации и созданию образа врага в лице ЕС. Это формирует образ «осажденной крепости», который служит инструментом легитимизации позиции элит и политической мобилизации. Элиты четко осознают, что сейчас страна погружена в системный кризис, и опасаются любого дестабилизирующего фактора. Вследствие этого, Москва использует все средства для содействия реинтеграции постсоветского пространства и развития «цивилизационной» буферной зоны, чтобы изолировать это пространство от влияния Европы. Другими словами, Москва будет и впредь полагаться на практику ведения гибридной войны, дабы подорвать доверие между государствами-партнерами ЕС, а также препятствовать реформированию стран-партнеров, чтобы продемонстрировать несостоятельность стратегии ЕС на постсоветском пространстве. Однако не стоит полагать, что ревизионистские амбиции

Кремля могут получить более широкий географический охват, так как руководство страны прекрасно осознает и потери, которые Россия может понести от начала полномасштабных военных действий, и невозможность прямого столкновения с силами НАТО, и невозможность оправдания новых территориальных аннексий (присоединений – интерпретации официальной Москвы). Кроме того, стоит отметить тот факт, что в настоящий момент Европейский союз и страны-партнеры, несмотря на экономические трудности и усталость от вялотекущих реформ (reform fatigue) должны выработать и придерживаться общей четкой позиции, так как именно такой подход сокращает возможности кремлёвской дипломатии, которая привыкла играть на двухсторонних контактах, устанавливая доверительные отношения с отдельными политиками и тем самым переигрывать других. У России нет больших экономических интересов на уровне ЕС в целом, ей важны отношения с отдельными странами, а укрепление ЕС и усиление его влияния на соседние страны во многом девальвирует их.

ВЗГЛЯД НА НАТО ИЗ МОСКВЫ И ТБИЛИСИ

Торнике Шарашенидзе

Профессор, глава магистратуры по международным отношениям школы права и политики, Грузинский институт общественных дел

В России свойственно винить в проблемах, существующих в двусторонних отношениях с Грузией, кого-нибудь другого - Запад, американцев, НАТО ... Беседуя с Оливером Стоуном, президент Путин в очередной раз возложил вину за войну 2008 года на кого-то еще. «Один (говорил он про Саакашвили), сам по себе, он бы не посмел», - сказал Путин, предположительно вновь подразумевая «Запад» и, прежде всего, американцев. Даже презируемый Саакашвили не полностью обвинен в том, что произошло в 2008 году. В конце концов, он грузин, и он бы не пошел на это, если бы не американцы ...

В Грузии же свойственно обвинять Россию в большинстве бедствий, через которые пришлось пройти Грузии после распада Советского Союза. Широко распространено мнение, что Москва одержима подрывом грузинского государства, и ее действия основаны на каком-то грандиозном антигрузинском замысле, разработанном сразу после распада Советского Союза, и замысел этот последовательно осуществляется российскими политиками, для которых Грузия является чем-то вроде Карфагена (который должен быть разрушен).

Конечно, грузины сочли бы российские доводы смешными и наоборот. Грузины отметят, что Грузия хочет быть частью Запада и что Россия делает все возможное, чтобы удержать Грузию от интеграции с Западом. Именно это вызвало проблемы. И если обвинять Запад, то его следует винить в том, что он очень цивилизован, демократичен и привлекателен для таких стран, как Грузия. Россияне, в свою очередь, заявят, что Россия не настолько одержима Грузией, как той кажется, и если Россия и совершила что-то, что грузинам не по нраву, то сделала она это лишь для того, чтобы защитить свои интересы и не допустить вмешательства соперничающих великих держав в традиционные сферы влияния России.

Так что парадокс состоит в том, что Грузия и Россия, несмотря на наличие общей истории и тесных связей разного рода, крайне ошибаются в отношении друг друга. Вероятно, это связано с тем, что многие вещи они воспринимают совершенно по-разному, и как следствие, им не удается понять друг друга.

О чем идет речь? Прежде всего, грузины никогда не сожалели о распаде Советского Союза. Несмотря на потерю контроля над Абхазией и Южной Осетией, катастрофическую гражданскую войну и экономический коллапс в 1990-х годах (который был намного хуже того, который за тот же период пережили россияне), едва ли кто сожалеет о том, что произошло четверть века назад. В отличие от России в Грузии нет ни коммунистической партии, ни памятников Ленину. Грузины удивляются тем россиянам, которые ностальгируют по поводу советского прошлого. Зачем? Почему они не счастливы? Они богаче, чем грузины и жители большинства других бывших республик. Кроме того, теперь они могут поехать куда захотят. Так почему они тоскуют по Советскому Союзу?

С другой стороны, рост грузинского национализма в конце 1980-х годов и стремление Грузии к независимости, несомненно, стали шоком для многих россиян. Почему? Грузины в Советском Союзе наслаждались очень хорошей жизнью (по крайней мере, по советским меркам), пользовались редкими привилегиями (например, грузинский язык в советской Грузии имел статус государственного). Так почему же они в одночасье сошли с ума и требуют независимости?

Разногласия в восприятии советского прошлого могут не иметь большого значения, когда речь заходит о практических аспектах сегодняшних двусторонних отношений. Но эти разногласия

необходимо учитывать, чтобы понять другую проблему, имеющую более важные последствия для двусторонних отношений. Эти разногласия касаются НАТО и его восприятия Тбилиси и Москвой.

Основная проблема с восприятием НАТО заключается в том, что грузины никогда не понимали, почему Россия действительно рассматривает НАТО как угрозу, тогда как Россия, со своей стороны, едва ли понимает, почему Грузия так хочет вступить в НАТО.

Грузины впервые заговорили о НАТО только после того, как проиграли войну в Абхазии. Потеря была шоком, и, разумеется, в ней обвинили Россию. На этот раз повод был обоснованным, поскольку Россия практически открыто поддерживала абхазов. После того что произошло в Абхазии, Грузия не могла доверять России и должна была найти сильного союзника. НАТО стал очевидным выбором. Грузия вступила бы в НАТО не для того, чтобы кое-кого настроить против себя (да и кто, будучи в здравом уме, будет настраивать против себя такую страну, как Россия?), а просто для того, чтобы защитить себя. Так думали грузины. Конечно, с самого начала никто не воспринимал это всерьез. В 1990-х годах Грузия оставалась в сфере российского влияния, а Южный Кавказ не очень заботил НАТО. Но в 2000-е годы ситуация изменилась, поскольку НАТО открыл свои двери для Грузии; россияне на эти изменения отреагировали с ожесточением, и эта реакция удивила грузин. Прежде всего, грузины не могли понять, почему Россия так боялась расширения НАТО? Неужели россияне всерьез полагали, что после вступления в НАТО Грузия нападет на Россию? Разве Польша или страны Балтии так поступили? Более того, ведущие страны НАТО не разместили свои войска на территории новых членов с тем, чтобы продемонстрировать: расширение не было направлено против России. Очевидно, что россияне выступали против членства Грузии в НАТО не из-за опасений, а из-за империалистических амбиций. Они хотели вновь отвоевать Грузию, и поэтому они хотели оставить Грузию вне НАТО. Тем более что российские политики и представители правящих кругов особенно негодовали по поводу пятой статьи о коллективной обороне (а не о нападении). Только потенциальный агрессор опасается пятой статьи.

Нежелание России хоть чем-то поступиться в обмен на нейтралитет Грузии стало еще одним фактором, который заставил грузинских политиков с подозрением отнестись к непримиримому отношению России к НАТО. Грузия мечтала восстановить территориальную целостность. Она задумалась о НАТО только после потери территорий. НАТО не был самоцелью. Альянс рассматривался как средство обеспечения безопасности и территориальной целостности. Таким образом, Грузия могла бы поступиться НАТО, если бы нашелся иной способ обеспечения безопасности и территориальной целостности страны.

В середине 1990-х годов, когда НАТО не был даже туманной перспективой, Шеварднадзе попытался договориться, но потерпел неудачу. Проведенные им переговоры с Ельциным касательно нового партнерства между Грузией и Россией, были довольно успешны: тот пообещал помощь в восстановлении территориальной целостности Грузии, но российский парламент отказался одобрить достигнутое двумя президентами соглашение. Очевидно, что россияне не были заинтересованы в заключении какой-либо сделки с Грузией, которая выглядела слишком слабой и почти полностью зависимой от России. Позже заключить соглашение попытался Саакашвили: поскольку у него на руках были более весомые карты (Грузия пользовалась поддержкой со стороны Запада), его шансы выглядели намного лучше. Он предложил отказаться от амбиций, связанных со вступлением Грузии в НАТО, взамен на помощь Москвы возобновить контроль над Абхазией и Южной Осетией. Но Москву вновь не заинтересовал подобный компромисс. Почему же это предложение не помогло Грузии, если Россия действительно опасалась расширения НАТО? Очевидно, речь шла не о страхе и целях безопасности. Речь вновь шла об империалистических амбициях.

Конечно, очень сложно определить грань, за которой заканчиваются подлинные цели безопасности и начинаются империалистические амбиции. Но ошибка, допущенная грузинскими правящими кругами, была вызвана не неспособностью нащупать эту грань, а неспособностью понять, что на многие вопросы Москва смотрела иначе.

Прежде всего (вернее, все еще), в отличие от грузин, российские политики рассматривают распад Советского Союза как трагедию и унижение. Для них НАТО был чем-то, значительно способствующим этому унижению. После окончания «холодной войны» Варшавский договор исчез, но НАТО не только не исчез, а наоборот, начал расширяться и становиться сильнее, пользуясь слабостью России. США играли в типичные великодержавные игры, подрывая политику другой великой державы (России), вторгаясь на ее задний двор и привечая ее бывшие сателлиты. Почему Россия должна это терпеть? Если Россия в своё время воевала, чтобы утвердиться в Грузии и на всем Южном Кавказе, почему она теперь должна была терпеть поползновения США в Грузии? Россия рассматривала большинство из этих аспектов как великодержавные игры, и это было то, чего Грузия (определенно не великая держава) не осознавала. Грузины не смогли поставить себя на место россиян. В свою очередь, россияне тоже не смогли поставить себя на место грузин, но они в какой-то степени могли себе это позволить. Однако небольшие страны, такие как Грузия, не могут позволить себе подобные просчеты.

При Саакашвили Грузия все больше педалировала вопрос НАТО, поскольку НАТО означал не только безопасность, но и прогресс и благосостояние. Конечно, ЕС также означал прогресс и благополучие, но он казался слишком далеким и неинтересующимся Грузией, в то время как США лоббировали присоединение Грузии к НАТО. Естественно, американский фактор Россию бы не порадовал, но тут уж ничего не поделаешь. Она не хотела помочь Грузии с Абхазией и Южной Осетией. Так что интеграция Грузии с НАТО послужит россиянам уроком

Что касается нежелания Москвы в оказании помощи с Абхазией и Южной Осетией, то грузины определенно переоценили влияние России на эти регионы. Равно как россияне, похоже, переоценили влияние Америки на Тбилиси. Тот факт, что Путин по-прежнему склонен обвинять американцев в событиях 2008 года (конечно, если мы примем его слова на веру), сам по себе очень красноречив. Дело не в том, что Грузия принимает меры для защиты своей безопасности и территориальной целостности, а в том, что американцы манипулируют грузинами, настраивая их против России.

Москва явно ожидала, что Грузия после выборов 2012 года, положивших конец правлению Саакашвили, пересмотрит свою политику в сфере безопасности. В какой-то мере эта политика была пересмотрена. При новой власти Грузия уделяла ЕС больше времени и энергии, чем это делалось под руководством Саакашвили. Это был разумный шаг, поскольку в то время ЕС не раздражал Россию так, как НАТО, плюс ЕС обещал некоторые конкретные льготы, такие как безвизовый режим и свободную торговлю, в то время как отношения с НАТО у Грузии явно застопорились вследствие войны 2008 года. Однако от идеи НАТО, безусловно, не отказались. Какие же изменения могли последовать со стороны Грузии? Весьма малочисленные, поскольку Россия не только не собиралась менять свою позицию в отношении Абхазии и Южной Осетии, но и начала устанавливать границу вокруг Южной Осетии и даже перемещать линию, разделяющую Южную Осетию от остальной Грузии, внутри контролируемой Грузией территории. Это произошло в то самое время, когда новые грузинские власти сделали немало дружественных жестов по отношению к Москве. Российским телеканалам снова разрешили трансляцию в Грузии, российские шпионы были освобождены из тюрьмы, грузинский телеканал, вещавший на русском языке (рассматриваемый Москвой как инструмент антироссийской пропаганды, направленный на Северный Кавказ) был закрыт, отказались от антироссийской риторики...

Но, конечно, на это россияне могли привести свои доводы: в обмен на эти жесты, они вновь открыли свой рынок для грузинской продукции. Что касается потерянных Грузией территорий, то с ними все обстояло гораздо сложнее, чем думали грузины. Кроме того, новое грузинское правительство не совсем отказалось от своих амбиций в отношении НАТО.

Описанная выше проблема вряд ли уникальна. История изобилует аналогичными примерами. На самом деле их так много, что для их описания был придуман специальный термин: дилемма безопасности. Считается, что дилемма безопасности, как правило, сохраняется, когда конфликтующие стороны не знают друг друга. Холодная война - классический пример. США и Советский Союз были слишком разными, чтобы понимать друг друга. Предполагается, что Грузия и Россия должны знать друг друга лучше, чем США и Советский Союз, но проблема не исчезает. Объяснений тому несколько.

Прежде всего, это разногласия, связанные с толкованием прошлого. И это касается не только отношений к концу существования Советского Союза. Корни этих разногласий уходят намного глубже. Россияне утверждают, что спасли Грузию в конце 18-ого века и согласились ее присоединить после того, как об этом Россию попросили грузинские цари. После спасения Грузии россияне ожидали благодарности, но грузины оказались крайне неблагодарными. В конце восьмидесятых они потребовали независимости. Грузины, однако, рассматривают произошедшее в конце 18-го века иначе. Их царь попросил всего лишь военное покровительство, а Россия, подписав соответствующее соглашение, нарушила его и аннексировала Грузию. Следовательно, грузины России ничем не обязаны.

Отношение России к грузинскому государству представляет собой еще один аспект проблемы. Похоже, что Москва никогда всерьез не воспринимала Грузию в качестве независимого государства, и признаки борьбы Грузии за свою безопасность всякий раз приписывались ловким приемам исторических врагов - американцев. В советские времена считалось, что грузины хороши в кино, поэзии, танцах ..., но вряд ли предполагалось, что они могут создать свою армию, бороться с коррупцией и, что хуже всего, интегрироваться в НАТО. Все это выглядело нелепо. Грузины не сделали бы этого, если бы не вмешательство кого-то другого. И этот «кто-то», конечно, был главным противником России.

Неудивительно, что у грузин в отношении России сложилось еще больше стереотипов. Страна, лишенная независимости несколько веков назад, несомненно допустила бы ошибки, и эти ошибки были вызваны неправильным отношением к России. Это видно на примере Саакашвили. Когда он пришел к власти, он считал, что проблемы с Россией были обусловлены фактором Шеварднадзе и что он сможет наладить хорошие отношения с Москвой (здесь стоит вспомнить, что свой первый официальный визит он нанес именно Москве). Когда он потерпел неудачу, он впал в другую крайность – сжег все мосты. От иллюзий он поспешил перейти к максимальному противостоянию. Нынешнее грузинское правительство обвинило Саакашвили в ухудшении двусторонних отношений и попыталось начать все заново, но теперь и оно, похоже, разочаровано. Грузино-российские разногласия никуда не делись. Возможно, вопрос НАТО лежал на поверхности этих разногласий, но на поверхности или нет, он остается яблоком раздора. Ситуация скорее всего останется неизменной до тех пор, пока одна из сторон не поменяет свою позицию, но это вряд ли произойдет прежде чем кто-либо из двоих не пересмотрит свое отношение к прошлому. А это представить себе еще сложнее...

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА РОССИИ ПРОТИВ ЗАПАДА НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ

Мамука Кудавя

чрезвычайный и полномочный посол Грузии во Франции (2007-2012)

Введение

Революция в области цифровых и высоких технологий, которая произошла в конце 20-го века, привнесла дополнительные элементы в конфронтацию между государствами: информационные войны достигли новых высот. Авторитарные страны особенно активизировались в гибридных войнах и отсутствие превосходства пытаются компенсировать информационными и коммуникационными технологиями, которые они используют против противников.

В последние годы подобного рода битвы часто рассматриваются Россией как один из основных источников пропагандистской войны. Такая война дает ясное представление о действиях Кремля и предполагает вмешательство в дела других стран (в том числе в процесс выборов), сея неопределенность и напряженность.

Такое поведение Москвы, проявившееся по отношению к Грузии во время августовских событий, особенно активизировалось в последующий период. Случай с Грузией далеко не единственный. Таким образом, в свете двусторонних грузино-российских отношений как на сегодняшний день, так и в краткосрочной перспективе целесообразно обсудить российскую информационную политику – политику по распространению дезинформации в отношении других стран, партнеров и союзников Грузии.

Примечательна российская дезинформационная кампания в контексте украинской войны. Российская пропаганда также усиливается на Западе. Последним наглядным примером, демонстрирующим планы Кремля на ближайшее будущее в отношении Запада и поддерживаемых им стран (включая Грузию), является Франция.

Выборы во Франции: отношение России к кандидатам

Оба раунда выборов, прошедших в апреле и мае 2017 года, стали еще одной возможностью для официальной Москвы противостоять Западу. Как и во время предыдущих президентских выборов в США она вновь приняла решение напрямую и косвенно вмешаться в кампанию. Какова была цель Кремля?

- Основная цель России - дестабилизировать западные альянсы путем выбора того кандидата, который настроен более дружелюбно по отношению к России.
- Другая цель: посеять сомнения в легитимности результатов выборов, которые ослабят правительство избранного кандидата. В случае с США Кремль хотел ослабить кандидатуру Клинтон, которую он считал «врагом России со стажем» за то, что она поддержала антиправительственные митинги, проведенные в Москве в 2011 году. Более того, согласно просочившемуся в СМИ отчету Центрального разведывательного управления США, Москва хотела, чтобы Трамп победил, потому что он неоднократно положительно отзывался о Путине.

За месяц до выборов президент Путин официально принял главу ультраправых Ле Пен в Кремле. Она официально поддержала аннексию Крыма Россией в 2014 году, а затем выражала возмущение против западных санкций в отношении Москвы. Кроме того, Ле Пен и ее партия «Национальный фронт» в целом выступают против политики мирового лидера, проводимой

администрациями США, и соглашаются с позицией Путина относительно многополярного мира.

Что касается Фийона, кандидата от правой партии, который пять лет был премьер-министром при президенте Саркози, то он всегда считался более или менее пророссийским кандидатом, который также был сторонником отмены санкций.

В то же время, в отличие от вышеупомянутых кандидатов, Макрон в своей предвыборной кампании держался от России на расстоянии: «Я не в восторге от г-на Путина (подразумевая Ле Пен), я не являюсь его другом (ссылаясь на слова Фийона, сказанные им в бытность на посту премьера, когда Путин занимал аналогичный пост в России)». Макрон также критиковал Россию за регулярные нарушения прав человека и разделял позицию президента Оланда, считавшего выполнение Минского соглашения необходимым условием для отмены санкций.

В итоге Макрон оказался единственным среди основных кандидатов, настроенных «против» Путина.

Российские методы вмешательства

Многие считают, что вмешательство России и связанные с ним скандалы и компромат более значительную роль сыграли на президентских выборах во Франции, чем на президентских выборах в США в ноябре 2016 года. Обнародование частной переписки Клинтон стало одной из самых обсуждаемых тем американских дебатов, подорвало ее кампанию и дало возможность Трампу нанести удар по так называемому «кандидату системы». Во Франции к распространению пиратской информации добавились иные методы - прием предпочтительного кандидата в Кремле, финансирование его партии российским банком, проникновение в сеть, утечки и компромат:

- Французские президентские выборы в российских СМИ были представлены как очень грязные, в которых элитарная коррупция и разложение либеральных устоев получили постыдную огласку, и которые, по мнению Кремля, разделили Европу. Активно использовались как официальные, так и онлайн-платформы, в том числе социальные сети. В частности, Дмитрий Киселов - один из главных рупоров Кремля, ведущий основную программу новостей по воскресеньям - заявил: «Ставки высоки, поэтому они выискивают компромат на всех. Каждый крупный кандидат замаран». Но основной целью были не правый Фийон или ультраправая Ле Пен, а независимый центрист и бывший министр экономики Макрон.
- Как только рейтинги экс-министра опередили рейтинги экс-премьера Фийона, пострадавшего от финансовых скандалов, российские СМИ начали распространять различные слухи и инсинуации, которые на несколько дней удерживали внимание даже специалистов по установлению фактов. В частности, согласно шоу Киселева: «Макрон женат на своей бывшей школьной учительнице, которая старше на 24 года. Но до сих пор ходят слухи о его нетрадиционной ориентации и о том, что он взял из бюджета 120 000 евро для финансирования своего движения и предвыборной кампании. Это также связано с Хиллари Клинтон». Ни одно из этих утверждений не было доказано.
- 1-ого февраля предполагаемый союзник России «WikiLeaks» публикует твиты, согласно которым в 2015 году министр экономики Макрон организовал обед и пригласил представителя предвыборной кампании Хиллари Клинтон. Эта информация основывалась на просочившемся в результате утечки личном электронном сообщении Джона Подеста, возглавлявшего предвыборную кампанию Клинтон в 2015 году. 3-его февраля российская газета «Известия» публикует статью под заголовком «Ассанж намеревается подлить огонь в президентские выборы во Франции». Глава WikiLeaks сказал российским журналистам:

«У нас есть интересная информация об одном из кандидатов в президенты - Эммануэле Макроне», добавив, что эта информация основывается на частной корреспонденции бывшего госсекретаря США Хиллари Клинтон.

Ассанж часто ассоциируется с политикой, проводимой Москвой. Во всяком случае его политика и политика Кремля часто оказываются идентичны в том, что касается необходимости изменения либо кардинального разворота существующего европейского порядка.

Вышеупомянутое электронное сообщение – лишь малая толика той информации, которая во время президентской кампании в США просочилась в прессу благодаря WikiLeaks, и которая вызвала большой скандал (в частности, в прессе чаще всего обсуждались следующие темы: методы, используемые демократической партией во время праймериз Берни Сандерса и направленные на то, чтобы не дать тому победить; осведомленность Клинтон о финансовой поддержке, которую Саудовская Аравия и Катар оказывали «исламскому государству»; связи Фонда Клинтон с представителями иностранных государств). Тем не менее, в твиттере WikiLeaks официально отвергла обвинения журналиста Би-Би-Си Ника Робинсона, прозвучавшие в его твите («Возможно это совпадение, но интересно, что Ассанж получил информацию об утечках тех сообщений из электронной почты, которые касаются кандидатов, выступающих против Москвы. Теперь наступила очередь Макрона.»). Ответ WikiLeaks: «WikiLeaks публиковал информацию о всех кандидатах, и о Макроне меньше всего».

- 4-ого февраля англоязычное информационное агентство «Спутник», финансируемое российским государством, опубликовало статью под названием «Макрон может быть американским агентом, лоббирующим банковские интересы». В ней, ссылаясь на одного французского политика, распространился слух о том, что Макрон ездил в США и встречался с Клинтон, что он является лоббистом американских банков и геем: «За ним очень богатое гей-лобби. Это говорит обо всем».
- Японская компания «Тренд Микрос», работающая в сфере кибербезопасности, утверждала, что информационная кампания против партии Макрона была аналогична той, которая была проведена в случае с Хиллари Клинтон. В частности, с 15-ого марта по 17-ое апреля собиралась информация об интернет-пользователях, которые посещали различные веб-сайты партии. В результате стали известны имена и пароли пользователей, участвовавших в предвыборной кампании партии.

Речь идет о пиратской группе «Фенс Беар» (а также «Фон шторм», «Царь Тим» или «АПТ 28»), которую Центральное разведывательное управление подозревает в связях с российским ГРУ / ФСБ и во вмешательстве в процесс выборов в США.

Эта информация была подтверждена главой цифровой кампании Макрона Маджуби. По его словам, благодаря нескольким уровням системы безопасности, хакеры не смогли взломать личную переписку сотрудников кампании. Ришар Феран, возглавлявший предвыборную кампанию Макрона, категорически отрицал российские компрометирующие материалы и указывал на Москву: «На нашу цифровую систему и базу данных совершаются сотни нападений. С территории России».

- Российские законодатели и политики приняли Ле Пен в Кремле; кроме того, во время предвыборной кампании они открыто и регулярно выражали свои симпатии в отношении кандидатур Ле Пен и Фийона.
- В день выборов до последнего момента телеканал «Россия 24» и другие средства массовой информации ставили Ле Пен на первое место, а российский армейский телеканал «Звезда» ссылался на хэштег «Я выбираю Ле Пен» в твиттере.

Заключение

Пример Франции дает прекрасное представление об информационной войне, которую Россия ведет в отношении Запада. Этот вопрос также актуален в контексте грузино-российских отношений, поскольку, будучи страной западных ценностей, Грузия стала естественной мишенью для российских нападков.

Разумеется, российский компромат не смог значительно повредить кампании Макрона и серьезно подорвать легитимность выборов, но политика Кремля и его поведение очевидны.

В определенном смысле война компроматов Москвы вызвала обратную реакцию. Во время своей первой встречи с Путиным, избранный президент Макрон на пресс-конференции открыто обвинил средства массовой информации, финансируемые российскими властями, в распространении ложной информации и тем самым вывел борьбу с российской пропагандой на самый высокий уровень, поставив ее в центр внимания мирового сообщества.

Несмотря на отсутствие единой западной политики по противодействию российской пропаганды со стороны как отдельных стран, так и международных / региональных организаций предпринимаются различные усилия по ее нейтрализации. Например, с подачи Европейского парламента, Еврокомиссия разработала стратегию по работе с прессой и создала соответствующий специальный орган. В частности, по его мнению, Россия использует «Раша Тудей», «Спутник» и легион троллей в социальных сетях, финансирует их, в том числе и напрямую, с помощью различных бизнес-групп и оказывает помощь европейским ультраправым партиям и популистским силам, отрекшимся от либерально-демократических фундаментальных ценностей.

После очевидного вмешательства России в президентские выборы во Франции и США все сильнее зреет международное общественное мнение, направленное против «пропаганды фейковых новостей». Правительства, политики и даже владельцы социальных сетей предпринимают все более действенные меры для противостояния ложной информации. Однако это всего лишь первый шаг.